

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 6

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN-13: 978-1720682769

ISBN-10: 1720682763

УДК: 1751

Петрозаводск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Alinora rey Vallion	4
Георгий Петрович	11
Валентин Дмитриев 2	30
Алёхина Варвара	37
Фате Катрина	47
Стрелиция	52
Счастливая Тина	57
Змиёв Николай	68
София Зернышко	75
Ника Де-Киминаш (Симфолийская)	80
Твой Портланд	82
Контактная информация авторов	84

Alinora rey Vallion

Чем старше

Чем старше мы становимся, тем сильнее нас сжимают тиски манер, приличий и норм. Мы бьемся об эти стены, как птицы в клетках. Острые шипы рвут плоть и царапают кости. Отяжелевшие от крови перья разлетаются во все стороны, падая на землю мокрыми комьями. Обессилено мы падаем на дно и забываемся усталым сном. Нам снится то, что никогда не произойдет. Те, кем мы уже не будем. Те, кого мы никогда не встретим, те, кто не ворвутся в нашу жизнь, ломая стереотипы и оковы, как герои из сказок. Просыпаясь, мы видим лишь собственные загубленные крылья и обреченно теряем силы. Наши глаза стекленеют. На лицах застывает убогое выражение, навязанное убогим обществом. Мы превращаемся в кукол. Мы умираем.

Проходит время. Наши раны подживают, новые перья окутывают нас легким пушком. Но кто-то, случайно или умышленно задевает клетку, даря пробуждение от этого мертвого сна. Пелена безразличия слетает с глаз и свет острым копьём пронзает глаза. Надежда наполняет наши вены адреналином, а мышцы - силой. С удвоенным рвением мы вновь бьемся об решетки, ранясь о торчащие шипы, обновляя раны и обагрят землю новой кровью. Надеясь выбраться из этой ужасной клетки, провонявшей тухлятиной наших собственных останков, слезающей с полу гнилых костей.

Нам вбивают в голову одни и те же знания, не давая нам ни шанса на свободу мысли. В нас убивают поэтов, художников, ученых и изобретателей. Ведь зачем это все, если до нас все придумали, открыли, нарисовали и написали? Ведь нам никогда не достигнуть тех же высот, поэтому мы должны гнить внизу придавленные величием мертвых. Нас не слушают, отмахиваясь, прикрываясь занудными, заумными фразами, которые когда-то им самим вбили в головы.

Так мы живет день ото дня, пока общество окончательно не исправит нас, как баг системы. Оно сорвет наши перья и сожжет их, как испепелило наши мечты. Сломает нам крылья, как сломало каждого из нас, так чтобы даже, если они и исцелились бы когда-нибудь, мы уже и не мечтали взмыть ввысь. Оно запрет наши души и мысли в клетках тех правил, которые считает единственно правильными. Заставит нас служить себе, как добровольных рабов, надев нам ошейники из чужих мнений. Убьет в нас все стремление в жизни, заставив плясать, как марионеток, на нитках «приличий». Потушит огонь в наших глазах, залив их грязью чужих грехов. Утопит, как слепых котят, в собственных, отнюдь не святых, желаниях. И в конце, когда от нас останется лишь сухая оболочка, сожжет в огне «высоких» стремлений, бросив нас тлеть в углях «великой» истории.

Море

Легкий шелест волн лениво набегавших на гальку, казалось, заглушал все остальные звуки. Морской бриз пел свою песню между покрытых солью камней, притащенных сюда возможно самим морским королем. Крики чаек высоко в небе. Если взглянуть в воду, можно увидеть множество разноцветных рыбок, бока которых блестят как драгоценные камни. Шаг за шагом становится все глубже. Сначала вода только окатывала стопы. Теперь она обхватывает колени. Еще несколько шагов и голова скрывается под водой. Дальше обрыв. Темная глубина манит, сопротивляться ей не получится. Там мигают огоньки-приманки глубоководных хищников. Маленький шажок и земля уходит из-под ног, оставляя тело в состоянии медленного падения. Вверх взлетают множество пузырьков, блестящих, как кусочки хрусталя, в косых лучах солнца, проникающих сквозь толщу воды. Проплывают большие ленивые рыбы, медленно шевеля плавниками.

Здесь тепло и спокойно. Звуки будто проходят через вату, приглушены, но все же слышны очень отчетливо. Где-то по стене из камня, поросшего водорослями, ползет маленький краб. Всплывает величественно стая медуз. В щели спряталась мурена, она лишь беззвучно шипит на тревожащего ее покой. Все глубже и глубже. Медленное падение. Лишь пузырьки воздуха от дыхания глубоководных жителей ласково щекочут спину и плечи. Волосы, не поспевая за опускающимся телом, касаются лица и танцуют подобно морским растениям.

Лишь далеко наверху блестят лучи солнца на поверхности, разбиваясь теплыми каплями о стену волн.

Царица золотых цветов

На город медленно опускалась ночь. Зажигали яркие огни фонарей, освещая улицы и скверы. Лишь в парке, расположенном почти в центре города, между двумя широкими проспектами, было по-осеннему тихо и темно. Красивая, некогда новая ограда, с витыми узорами и прелестными железными цветами была кое-где погнута особо желающими ночных прогулок по парку. Несмотря на это, замок прочно держал, казалось бы, невесомые, кованые створки ворот.

Легкий, будто бы чуть подвыпивший, ветер игриво напевал в полголоса песню в верхушках высоких деревьев, тревожа листья и уснувших на ветвях птиц.

Где-то в глубине парка блеснуло нечто золотое. Что же это? Неужели кто-то чересчур любопытный все же остался в парке, сумев обмануть охранников? Или какой-нибудь бездомный дождался закрытия под кустом, а теперь ищет лавку поудобнее для ночлега?

Еще раз блеснула золотая искорка. Раздались тихий звук, будто бы шелест сухих листьев. Но как, если все деревья стоят еще совсем зеленые и, кажется, забывшие о том, что уже почти середина осени? Может они, и забыли, но о них явно не забыли.

На дорожку плавно вышла девушка. Легкое, явно не по погоде одетое, золотистое платье с длинным шлейфом, украшенное длинными лентами. На открытой спине красовались два крыла, будто созданных из порывов осеннего ветерка. Длинные волосы цвета коры дуба, были изящно завиты и приведены в легкий беспорядок. На голове, подобно нимбу, сиял веночек из осенних цветов и плодов.

Вот и сама госпожа Осень. Сосредоточенным взглядом чудесных темно-карие глаз, в глубине которых мерцали золотые искорки, богиня окинула ближайшие деревья и кусты. Пару раз нервно дернула крыльями. На высоком лбу залегла морщинка, по прекрасному лицу скользнула тень. Легко было догадаться, что она раздражена сверх меры. Что же стало причиной её гнева?

Конечно же глупая младшая сестрица, упросившая дать ей еще немного позабавиться! И Осень естественно по доброте душевной согласилась. Но кто же знал, что это "немного" затянется до середины октября?

Еще раз, дернув крыльями, девушка устремилась дальше по дорожке, оставляя за собой позолоченную зелень.

Вот листик клена, на который приземлилась всего лишь песчинка осени. Его живая зелень начала стремительно исчезать, давая место смеси желтого и алого. Прошло мгновение с этого "перевоплощения", подул ветерок, и лист сорвался с ветки и, кружась, полетел на землю.

За ним полетели его собратья. Но любоваться ими было некому. А богиня продолжила свой путь вглубь парка. Через несколько минут она достигла цели.

Высокий и толстый дуб, возвышался над круглой площадью, откуда в разные стороны разбегались тропинки, подобно лучам солнца. По краям стояли деревянные, выкрашенные в противный серо-голубой цвет, скамейки.

Осень замедлилась и плавно подошла к дереву и грациозно поклонилась. Прошептав лишь губами древние, как мир, слова, она положила руку на теплый шершавый ствол и закрыла глаза. Крона зашелестела без ветра и к ней по стволу потянулись тонкие золотые нити.

Они изгибались подобно змеям и тянулись ввысь как плющ, оплетающий стены древнего замка. Одна из них достигла темной шелестящей массы и скользнула в их тень. Так же сделали остальных её «подруги».

На миг все умолкло. Но лишь на миг. Потому что уже в следующее мгновение крона ярко вспыхнула желтыми, красными и оранжевыми цветами, осветив весь парк слепящим светом. И все деревья, которых коснулись лучи угасающего тепла, начали менять свою сочную живую зелень на сдержанные, но роскошные наряды.

Шелест их крон напоминал прекрасный перезвон медных ветряных колокольчиков, тихо раздаваясь в ночной мгле сонного парка, усыпляя и приглашая уснуть на их корнях до следующей весны. Обещая укрыть теплым одеялом от холодных зимних ветров и морозов, скрыть от всего мира, от всего горького и обидного...

Сноп ярких искр взмыл в небо и направился в сторону других, еще зеленых листьев. Лишь медные колокольчики золоченых листьев продолжали наигрывать песнь покоя и сна...

Продавец мечтаний

- Простите, та мечта, которую вы мне дали оказалась поддержанной. Вы можете ее поменять?

- Она вас не устроила своей уникальностью и необыкновенностью?

- И да, и нет. Эта мечта чудесна и хороша, но, боюсь, моей дочери не подойдет.

- Так вот в чем дело. На какую бы вы хотели её обменять? У меня много разных фантазий и мечтаний. Есть и совсем простые, и просто обыкновенные.

- Мне бы что-то попроще и постандартней. Никаких смелых или оригинальных идей, пожалуйста. Людям не пристало так далеко залетать в своих мечтах, как в той, что вы мне дали.

- Тогда посмотрите на эту. Всем девочкам она очень нравится. Она не дорога и совершенно не оригинальна, а разницу я вам верну. Эта мечта легко осуществима и не требует много внимания к себе. И верное ваша дочурка сможет получить гораздо больше счастья без усилий из этой простенькой мечты, чем из той, что до этого. Так меняем?

- Да, пожалуйста. Еще одной такой же у вас не найдется? Может не совсем такой, но похожей?

- Конечно, найдется! Целый ворох! Выбирайте любую! Взгляните на эту! Посмотрите, какая чудесная. Я думал уже, что продал все, да нет – завалилась одна. Самая что ни на есть стандартная. Ничего невероятного, лишь сплошная серая посредственность. Знаете, я вам ее, наверное, за даром отдам, если эти две возьмёте.

- Вы так добры. Конечно, возьму.

- Только отдайте, пожалуйста, вашу предыдущую покупку. С новыми, она вам ни к чему. Вот так... только бережнее, прошу! Спасибо. Вам упаковать вашу покупку, мадам?

- Да и украсьте, пожалуйста. Подарю дочке, как вернусь домой.

- Конечно-конечно. Сделаю все в лучшем виде. Вот, держите. Спасибо за покупку. Приходите еще в мой маленький магазинчик. Буду рад вас снова видеть здесь.

За дамой захлопнулась дверь, и колокольчик одиноко тренькнул, извещая об ушедшем покупателе. Продавец, почти старик, снял очки и потер переносицу. Как же тяжело продавать такие скучные и неинтересные мечты. Он опустил на стул у прилавка, за которым стоял все это время.

Продавцом мечтаний становилось работать все труднее. Заказы из ярких и живых все чаще становились однотонными и безжизненными. Родители каждый раз приходили менять прежние мечты детей на что-то «попроще» и «пообыкновеннее». От этого становилось грустно, и опускались руки. Будто с этими скучными фантазиями уходили и последние силы старого творца.

Взгляд упал на блестящую сферу, которую уже на следующий день после покупки дама поспешила вернуть. В ней крутился вихрь из блестящих снежинок, складывавшихся в прекрасные фигуры и снова рассыпающихся, чтобы потом принять следующий образ и так до бесконечности. Чарующее действо, от которого невозможно оторвать взгляд. Это было одно из любимых творений старика. Но именно его возвращали большее количество раз. Родители, покупавшие, а затем возвращавшие эту мечту, хотели для своих детей лишь легкого и простого счастья, то, что они могли выполнить без особого труда. Эта же мечта была особой и требовала к себе особого отношения. Ей нужно было уделять время и внимание, всегда следить за ее состоянием и прикладывать усилия, чтобы она принесла свои «плоды». Эта мечта была похожа на росток редкого цветка. Вот видимо и приходилась по вкусу таким же редким людям. Только бережного ухода, после того как «росток» окрепнет, мечта осуществится. Ведь именно тогда ребенок, а может уже взрослый к тому времени, но не забывший о своей мечте, сможет удержать тот «плод» счастья от исполнения этой мечты. Но, увы, люди хотят всего и сразу, поэтому им гораздо легче использовать мелкие «одноразовые» мечты, которые не требуют никакого ухода и дают «плоды» почти сразу. Ну, и пусть то счастье, что они дают легкое и обыкновенное, зато его много и оно частое. Это же гораздо лучше редкого и возвышенного счастья, что дают особые мечты и фантазии.

Тяжело вздохнув, старый мастер поднялся и, бережно взяв в руки свое творение, понес его к рядам полок с множеством коробочек и ящичков. Аккуратно достал нужную коробочку и, открыв ее, уложил свое творение на

нежный шелк обивки. Вынув из кармана платок, он протер поверхность шара, будто бы стараясь отчистить и без того сияющую вещь от невидимых следов прикосновений. Подняв голову, он оглядел ряды своих трудов. Все они сияли в полумраке старой пыльной лавки, подобно драгоценным камням. Пирамиды, шары, россыпи мелких кристаллов, цилиндры, звезды, кольца все цветов и размеров. Такие прекрасные и никому ненужные.

- Наверняка, найдется тот, кого вы устроите, и кто отдаст вам свое внимание, чтобы в обмен получить что-то более ценное, - в выцветших от старости глазах, блеснули искорки гордости за свою работу.

Колокольчик тренькнул, но на это раз радостно. На пороге стояла маленькая девочка лет десяти. Нарядное платьице, кудрявые хвостики с обеих сторон головы, делали ребенка похожим на ангела. Лишь в больших, чистых глазах плескалась грусть. Чуть помедлив, она достала из кармашка расшитый цветами платок. Развернув его, взору предстали три небольших серых камушка – простые мечты, которые не так давно приобрела дама для своей дочурки.

- Дядя, вы ведь продавец мечтаний и фантазий?

- Да, это я. А что ты хотела, дитя?

- Могу я забрать в обмен на эти три, ту, что лежит у вас на полке за спиной?

Мы шепчем

Мы привыкли шептать. На нас давит шум правил и мнений. Проклятья и слова любви. Оскорбления и обиженный плач. Слова гордости и слезы стыда. Речи славы и крики бесчестья. Мы шепчем и этот шепот сносится потоком бесполезного шума. Мы шепчем не потому что больны, а потому что наше горло рвет страх.

Страх, что услышат; страх, что поймут, что мы не те кем хотим казаться. Что услышав, засмеют и плюнут в душу. Страх делает наши дни серыми. Его широкие, темные, полупрозрачные крылья закрывают от нас свет солнца и мы навсегда остаемся серыми тенями в полумраке. Страх не дает нам свернуть в сторону от общего пути, но с лихвой дает нам сил следовать хвостами за другими. Он отрезает нам язык, давая лишь мычать слова других. Стыд горячими пальцами обнимает за плечи и его дыхание опалает уши и шею стоит лишь раз показать себя настоящего, сказать что-то против всех. Совесть, подкупленная правилами корит нас за то, какие мы есть. Груз неясных и глупых моралей не дает нам поднять голову в толпе согнутых спин. Мы хотим кричать раз за разом, но мы затыкаемся и молчим, позволяя грязи заливать наши уши, оставляя пауков сомнений плести паутины в наших пустых черепных коробках.

Наши мозги забрали, чтобы служить всем в округе, но не нам самим. Мы обязаны служить "себе", написанным обществом. Наши мечты производят на фабриках, как дешевые игрушки. А тех же фабриках делают ботинки нормальности одного единственного размера. А потом общество обрубает нам пальцы и пятки, чтобы мы смогли носить эти оковы. Мысли общие для всех и такие "нужные" продаются со скидкой на прилавках универсальных магазинов. Универсальный свет льется на нас отовсюду, универсальные улыбки мы видим на лицах и носим такие же на своих. "Простите, а нет ли ошейника побольше?" "Нет, они все универсальные". Нас больше не интересует свобода, нам достаточно лишь клетки попросторней.

Мы затыкаем уши музыкой, чтобы сбежать от этого в мир грез. Мы тайно завидуем маньякам и психам, ведь в обмен на свободу, они продали нормальность, навязанную обществом. Они те, кто все же показал себя, сломал "себя" общего и решил вспыхнуть и умереть, чем тлеть вечно. Мы завидуем им, мы боимся их и презираем, ведь мы рабы, а они хоть на краткий миг, но свободны.

Люди любят адреналин, любят риск, но если раньше мы рисковали жизнью, чтобы получить удовольствие, сегодня же хвастаемся шепотом против таких же рабов. Мы перешептываемся между собой, не рискуя поднять голос на тех, кто выше и сильнее, но вдоволь крича на слабых и "низших".

Все, что нам остается - отдаться на волю потока или бежать и сойти с ума, обретя свободу.

Георгий Петрович

Мои внутренние страхи

Очередная ночь. Полная луна заглядывает в окно, освещая два тела, что сплелись в страстном танце любви. Они скрыты одеялом, но и так можно понять, что под ним происходит. Тяжёлое сбившееся дыхание, порой высокие стоны и низкий шёпот... Но ничто не вечно, как говорится.

И вот, он уже сидит, свесив ноги с кровати и уставившись пустым взглядом в стену.

– Ты уйдёшь, когда узнаешь, что со мной?

Это началось примерно год назад. Она, обычный психолог, наткнулась на весьма необычного пациента, коим был полудемон по имени Эндо. Юноша не любил показываться на людях и старался всячески избегать общества. Причина его поведения была неизвестна, и Акира решила разобраться во всём этом, чего бы ей это ни стоило. Случай был запущенным, но девушка не желала оставлять всё, как есть. Она чувствовала, что ей жизненно необходимо разгадать тайну Эндо, узнать все его секреты и избавить его от нелюдимости. Конечно, тогда она ещё не подозревала о том, во что ввязывается.

Процесс затягивал невинную душу всё сильнее, и вскоре их отношения переросли во что-то большее. Они проводили вместе ночи, не испытывая угрызений совести. Они ведь не нарушали никаких законов, а просто давали друг другу то, что обоим было необходимо. Они не любили друг друга, но и не ненавидели. Можно сказать, у них обоих было некоторое чувство привязанности, которое никак не могло перерасти в настоящую любовь, в настоящие отношения.

Этот вечер был действительно решающим. Эндо давно уже раздумывал о том, что стоит приоткрыть завесу своей тайны. Он сомневался до последнего, ведь от этого зависело и его, и её дальнейшее существование, но всё же решил рискнуть, поставив на карту всё.

Юноша спросил совершенно безразлично, но в голове его носились мысли. Он боялся рассказывать об этом Акире, потому что она, будучи девушкой, вряд ли смогла бы принять всё. Он понимал, что после его признания всё может быть кончено. В глубине души Эндо подозревал, что Акира приходит к нему только лишь для того, чтобы выяснить, чем он болен. И

поэтому он вёл самую настоящую игру, целыми днями храня молчание, выдавая свои истинные чувства по крупницам.

Она прекрасно знала, что верить своему подопечному нельзя, да и сделать это было очень трудно, когда он смотрел таким холодным, безразличным взглядом. Он будто находился в другом месте, в своей собственной стране чудес, которая была наполнена загадками. Акире казалось, что Эн не может представить себе ничего прекрасного. За все их встречи она не смогла добиться от него ничего полезного, почти ничего, что могло бы приблизить её к разгадке. Она исписала тетрадь догадками и предположениями, не будучи уверенной ни в одном из них.

Действительно, Эндо спокойно мог обмануть кого угодно, и просьбы девушки говорить правду никак не действовали на него. Она понимала и принимала правила игры, отвечала тем же, и за «хорошее поведение» могла получить новые подсказки. Как психолога, её это устраивало и занимало, ведь не так уж часто от работы можно получать удовольствие. А эти загадки только сильнее затягивали, заставляли приходить в этот одинокий дом снова и снова, заставляли пристально смотреть в эти спокойные глаза, обрамлённые тёмными кругами от недосыпа.

Что её удивляло, так это то, что Эндо никогда не проявлял особых чувств. Он её ждал, и это было заметно. Но во время их страстных вечеров, во время душевных разговоров и прогулок по берегу моря он не проявлял абсолютно никаких эмоций. Ни радости, ни страха, ни сожаления, ни наслаждения. Правда... Порой взгляд его становился более задумчивым, в глазах мелькала грусть. В такие моменты Акира вела себя более осторожно и осмотрительно, ведь при единственном неправильно сказанном слове, при малейшей неточности в выражении своих мыслей она могла потерять всё, что их связывало. Она могла потерять такого Эндо, который предстал перед ней каждый день. И пока что ей удавалось сохранять эту необычную связь, созданную с невероятными моральными усилиями.

И, как оказалось, всё это не прошло даром. Теперь Эн был готов открыться, а она готова была принять все его откровения, которые он решил преподнести ей на этот раз. Конечно, не всё было так просто, но разве психологов при обучении готовят к тому, что не будет ничего тяжёлого?

Услышав вопрос, Акира слегка приподнялась и, закрывая обнажённую грудь одеялом, убрала мешающуюся прядь тёмных, растрепавшихся во время любовных утех волос с лица. Осмотрев своего пациента со спины, девушка ненадолго задумалась. Действительно, что будет, если она всё узнает в один момент? Уйдёт? Отвергнет его? Что за бред! Конечно же нет. Ведь её работа – лечить людей, вытягивать их души из тёмной пучины отчаяния и страха. И, чего бы ей это ни стоило, она должна была справиться и с этим случаем.

Подтянув колени к груди и подсев немного ближе к своему пациенту, Акира произнесла:

– Нет, не уйду. Каким бы ты ни был, я по-прежнему являюсь твоим лечащим врачом, и твои особенности никак на мне не скажутся. За всё проработанное мною время я видела немало людей в более неадекватном состоянии и со своими скелетами.

Девушке было интересно, как на её слова скажутся на полудемоне, поэтому она подобралась поближе и замерла, с интересом и видом змеи ожидая его реакции. К некоторому разочарованию Акиры, юноша не произнёс ничего. Он, кажется, полностью погрузился в свои мысли, ответив ей лишь коротким кивком, отмазываясь, будто бы пропустил мимо ушей все её слова. Но брюнетка знала, что он внимательно слушал: иначе он не задавал бы столь серьёзного вопроса. Хотя, может быть, ему просто нужен был звук на заднем плане, чтобы обдумать свои дальнейшие действия, совершенно не зависящие от её ответа. Как телевизор для читающих газету или музыка для пишущих очередное произведение.

Да уж, Эндо был слишком сложным... Но Акира знала, что права в своих суждениях. Она уже давно научилась различать, когда он слушает, а когда нет. Тихо вздохнув, Акира плавным движением перекинула волосы на спину, прижимая одеяло к груди коленями, а после облокотилась на своего любовника, обняв его со спины и положив голову ему на плечо. Погладив юношу по голове, брюнетка спросила:

– Ты собираешься спать? Думаю, нам обоим стоит набраться сил перед завтрашним днём.

В ответ Эн вновь слегка кивнул и прикрыл глаза от прикосновений к волосам. Немного понежившись в объятиях психолога, он повернул голову к её лицу и попросил:

– Купи мне формалин. Скучаю по его вкусу.

– Формалин - это яд. Тебе не стоит часто употреблять его внутрь. Ты ведь не хочешь отравиться и умереть?

Эн слегка качнул головой, что выражало некоторую неопределённость, а после повернулся и повалил девушку на кровать, ложась рядом с ней. Завернувшись в одеяло, юноша отвернулся к стене и, закрыв глаза, в скором времени погрузился в сон. Зачем желать спокойной ночи человеку, который приходит тебя лечить и получать удовольствие, как приятный бонус? Они ничем не обязаны друг другу.

Акира лишь тихо вздохнула в ответ и тоже закрыла глаза, вскоре покидая реальный мир вслед за молчаливым пациентом. После столь бурного вечера она легко и крепко уснула, не открывая глаза на протяжении оставшейся ночи. А вот Эндо... Ему, как всегда, трудно было не проснуться хотя бы один раз. Он не любил спать. Он считал это занятие отчасти глупым, а

отчасти просто боялся снова встретиться с кошмарами, с неизвестностью, что преподнесила ночь. В последнее время он практически перестал испытывать страх во время чего-то серьёзного, но мысли о некоторых вещах, которые могли произойти, действительно навевали тревогу, бороться с которой было просто невозможно. Эн боялся засыпать, зная, что ему может присниться кошмар. Да и какой смысл даже в хороших снах? Ночь лишь дразнит. Она, как вредный хозяин, лишь манит аппетитным кусочком, заставляя пускать слюни, а потом сама поглощает его, оставляя лишь прелестные сладкие воспоминания, которые в скором времени стираются из головы. Просыпаясь, мы с растерянностью оглядываемся и принимаем горькое осознание того, что мечта, счастье, обволакивавшее нас во сне, нереально, и ему никогда не снизойти до нас в настоящем мире. Проказница ночь привлекает мечтателей и отталкивает реалистов, но и тем и другим дарит страдания. И поэтому он, в основном, предпочитал бодрствовать и заниматься сортировкой чая или же приготовлением новых блюд, которые так любила Акира.

Также как и предыдущие, эта ночь прошла не очень спокойно. Но зато юноша поспал немного дольше, чем обычно. Пару раз он открывал глаза и любовался спящей Акирой. Хотя... нет, «любоваться» — слишком громкое слово. Просто смотрел на неё своим безразличным взглядом, погружаясь в какие-то мысли и воспоминания, за которыми потом и засыпал. И вот, раннее утро, солнце щекочет своими лучиками лицо Эндо, не добравшись пока до спящей рядом с ним психолога. Полудемон нежился в кровати со своим вечно спокойным лицом, по которому нельзя было прочесть мыслей, не собираясь пока подниматься. Спешить было некуда, да и торопить события совершенно не хотелось, хоть это и было неизбежно. Тяжело вздохнув, юноша открыл глаза, а после поднялся с кровати. Он увидел свет нового дня раньше, чем Акира, поэтому направился принимать водные процедуры, дабы немного освежиться перед тем, что ему предстояло.

К тому времени, как психолог проснулась, молодой человек уже начал приготовление завтрака. Девушка поднялась с кровати, надела сброшенную прошлым вечером футболку своего пациента, дабы не мять свою белую рубашку, а потом направилась в ванную. Умывшись и приведя свои тёмные волосы в порядок путём тщательного расчёсывания, Акира направилась на кухню, откуда доносился великолепный запах. Она знала, что сам Эн ничего почти есть не будет или же приправит свою трапезу какими-нибудь лекарствами, разрушающими организм обычного человека. Конечно, девушке это не нравилось, но она давно поняла, что отговаривать юношу от этого попросту нет смысла. Тем более с ним ещё ничего не случалось из-за приёма разных лекарств и мазей. Для себя психолог заключила, что в этом и есть особенность организма недолюдей. Конечно, эта информация ничем не была доказана и проверена, но девушка верила, что её подопечный знает, что

делает. Хоть он совершал множество вещей против своего здоровья, лишить психолога своей компании он бы не посмел: игра зашла слишком далеко, и прерывать её было бы крайне нечестно для них обоих.

Присев за стол, девушка скрестила ноги по-турецки и посмотрела на своего пациента, заканчивающего приготовление завтрака.

«Как всегда, получится очень вкусно. Сколько его знаю, он всё время сидит дома и выходит только за продуктами и лекарствами. И то, последнее он обычно просит купить меня... И не удивительно», – подумала брюнетка, покачивая стопой и следя за своим подопечным. И вот, он уже выкладывает на свою тарелку яичницу, приправляя её остатками формалина. С некоторой неприязнью покосившись на это необычное зрелище, психолог вздохнула и принялась за свою порцию.

По окончании трапезы девушка сама помыла тарелки, дабы не утруждать и не отвлекать погрузившегося в раздумья полудемона: тот сидел, подперев руками голову и уставившись холодным взглядом в голую стену. Когда с работой было покончено, брюнетка осторожно подошла к Эндо. Он, заметив это действие девушки, и сам поднялся, чтобы, наконец, открыть ей один из своих секретов.

– Готова заглянуть в мой шкаф? – спросил он всё с той же холодностью, но ещё и необычайной серьёзностью в голосе и во взгляде.

Акира кивнула, понимая всю напряжённость ситуации. Эндо молча развернулся и направился в свою комнату. В ней имелся довольно больших размеров шкаф, который, как и оказалось, был путём к его скелетам. Распахнув тяжёлые двери тёмно-коричневого цвета, юноша прошёл внутрь и, отодвинув какие-то вещи, открыл своей спутнице дверь в подвал. Почти сразу же повеяло формалином, но запах пока что был не очень сильным. Девушка сглотнула, слегка волнуясь перед столь важным открытием, а после сделала первые шаги в новый мир, который предстояло досконально изучить, чтобы спасти своего подопечного.

Ступеньки ничем не освещались, поэтому Эндо, как истинный джентльмен, протянул своей спутнице руку и повёл её вниз, прекрасно ориентируясь в кромешной темноте. Полностью доверившись своему сопровождающему, Акира задумалась над тем, почему юноша так легко ведёт её: из-за своей демонической половины или же из-за того, что дорога эта проходится им не один раз в день? Конечно, мысль эта была посторонняя и ничего особенного не решающая, но брюнетка чувствовала, что ей просто необходимо сейчас отвлечься от происходящего. Она уже заранее об этом жалела, понимая, что стоило бы подготовиться к тому, что её ожидает, но не могла пойти против себя, против своих внутренних ощущений, как обычно и бывает с людьми, которые столкнулись с чем-то необычно-волнительным.

Казалось, что лестница эта бесконечная, и конец её означает конец мира, конец их бессмысленного существования. Или всё же осмысленного?..

«Не о том я сейчас думаю!» — мотнула головой Акира, ненадолго зажмурившись.

Хотя ничего бы не поменялось, даже если бы она оставила глаза открытыми. Но Эндо всё же остановился, прервав отстранённые размышления психолога. Девушка почувствовала, как его грубые пальцы покидают её мягкую, слегка вспотевшую от волнения ладонку, оставляя без опоры, без поддержки в этой непроглядной бездне. На секунду у Акиры перехватило дыхание. Ей казалось, что она находится в чёрной дыре, практически в невесомости, хоть пол под ногами ощущался довольно чётко. Голова слегка закружилась, по телу прошёл лёгкий озноб. Шаг влево, шаг вправо — неминуемая гибель, провал в бесконечность, в пустую, тёмную, холодную неизвестность.

— Вот и пришли, — молвил полудемон, выдёргивая теперь уже его подопечную из цепких лап подступающего страха, и поднёс руку к выключателю. — Закрой глаза.

Девушка повиновалась. Тут мрак разорвал тусклый свет, который после долгого пребывания в темноте казался до невозможности ярким. Он пробивался даже через веки, поэтому Акира невольно отвернулась, прикрыв лицо руками. Но нельзя было медлить, хоть Эндо и не торопил её. Медленно повернувшись к источнику света, брюнетка приоткрыла глаза, убрав от них руки. Её взору открылась довольно пугающая картина: многочисленные чучела, занимающие, главным образом, пол и образующие круг правее центра; стены были уставлены стеллажами, на полках которых покоились банки с плавающими в мутной жидкости органами. Были и сердца, и почки, и даже маленькая пара лёгких — будто личная небольшая Кунсткамера. Картина для брюнетки была довольно неприятной, но не омерзительной — всё же она прекрасно знала анатомию и повидала на своём веку и не такое.

— Всё не так плохо, как я думала... — задумчиво произнесла девушка и прошла вглубь комнаты. — Я посмотрю, если ты не против? Молодой человек слегка кивнул, тем самым одобряя действия психолога. Акира подошла к баночкам с органами и стала их разглядывать. Судя по всему, работа была выполнена довольно качественно: Эн явно был мастером в этом деле. Девушка хоть и признавала, что довольно брезглива, но эта комната, на удивление, сохранилась в чистом состоянии, поэтому пребывание здесь не вызывало у неё сильного отвращения и чувства тошноты. Закончив с рассматриванием содержимого банок, она обернулась и стала изучать искусно сделанных чучел, что смотрели в одну точку, будучи расставленными по кругу с геометрической точностью, благодаря чему их взгляды

скрещивались в центре круга. Скрестив руки за спиной и слегка нагнувшись, чтобы получше рассмотреть несчастных созданий, Акира задумчиво спросила:

— Хм... Неужели ты сам ловил всех этих зверьков? — она подняла голову и посмотрела в глаза своего пациента. — Только... Откуда в тебе зародилось подобное увлечение?

Раз уж полудемон открыл ей нечто настолько важное, то наверняка можно попробовать задать ему уточняющие вопросы. Правда, тут Акира, не сдержав любопытство, поторопилась с выводами. Как бы девушке ни хотелось побыстрее приблизиться к разгадке и избавить подопечного от этого странного увлечения, так просто открывать всего себя юноша не собирался. Ну разве так будет интересно? Разве так получится продлить их отношения? Нет уж, надо держаться за любую возможность. Это уже стало похоже на одержимость: Эндо понимал, что не хочет отпускать психолога, он хочет, чтобы она всегда была только с ним, лечила только его, отдавалась только ему. Но, к счастью, у молодого человека был прекрасный самоконтроль, поэтому он ничего не мог себе позволить, кроме как продолжать "игру". Нельзя сказать, что полудемона влекла к психологу только страсть. Её, наоборот, почти не присутствовало в его душе. Нет, Акира заменяла ему всё общество, и юноша не хотел терять эту связь с миром. В её компании он не чувствовал себя одиноким, другим, загнанным в угол.

Эндо прошёл мимо своего психолога и провёл пальцами по относительно новому экспонату в его небольшой выставке: ожерелью из зубов различных животных. Пока что оно было на виду, — висело на стене — но молодой человек планировал переместить его в более удачное место. Под тонкими пальцами белые кусочки дентина с остатками засохшей крови легко покачнулись и издали тихий звук при столкновении друг с другом. Плавно развернувшись, полудемон шагнул в круг чучел и уселся в нём, скрестив ноги по-турецки. По лёгкости его походки и уверенности движений легко можно было догадаться, что подобная процедура совершается им довольно часто. Он смотрел в глаза брюнетки, и взгляд его будто говорил, что всё совершенно очевидно.

— Они мои друзья, — прорезал глухой голос установившуюся тишину.

— Они делятся со мной сырым мясом и своим обществом, а я позволяю им жить вечно.

Молодой человек уставился на Акиру и замер. Он не моргал и не двигался, следя за её реакцией. Казалось, сейчас чучела оживут и тоже повернуться к девушке, чтобы просверлить в ней множество дырок и высосать душу, наполнив ей свои пустые стеклянные глаза. Акира сглотнула. Она не знала, что сказать своему пациенту: подобное зрелище ввело её в ступор, по спине пробежала мелкая дрожь.

«Друзья?.. От таких друзей кто угодно мог бы сойти с ума... Он ведь сидит в окружении трупов. Нет... Они даже хуже, чем трупы. У тех хотя бы закрыты глаза. Ну... В большинстве случаев», — подумала девушка, не отрывая взгляда от Эна.

— А что бы ты делала, если бы была одинока? — слова с некоторым трудном вырывались изо рта полудемона, будто не хотели заставлять его язык шевелиться, а челюстные мышцы двигаться.

Этот вопрос вывел девушку из ошелобления. Она моргнула пару раз, а потом коснулась пальцами подбородка и ответила:

— Знаешь, это весьма интересный вопрос... Обычно одинокие люди общаются с живыми существами, будь то животные или люди, — девушка присела на корточки, чтобы быть на одном уровне со своим пациентом; иногда так поступают с маленькими собачками, ведь нечто высокое и большое внушает им сильный страх. — А ты пытался завести нормальные отношения с людьми? Это не так сложно, как кажется. В мире существует множество людей, которые приняли бы тебя таким, какой ты есть. Для этого просто нужно хотеть быть в обществе... Конечно, я не имею ничего против чучел, но ты и сам должен понимать, что они не заменят живого общения. Уверена, что даже ты рано или поздно сойдёшь с ума, ибо нет существа, который способен долго сохранять рассудок в подобном кругу. Я вижу, что ты хочешь проявлять эмоции, но что-то тебе мешает... Может быть, страх? Или лишь небольшие опасения? Я с тобой столько работала, но до сих пор толком ничего о тебе не знаю... Но лучше не загоняй себя в рамки. Научись общаться в обществе, раскройся. Главное — попробовать и не грустить от первых неудач.

Девушка слегка улыбнулась и положила ладонь на голову своего пациента, слегка взъерошив его тёмные ломкие волосы. Всё это время Эндю буквально пожирал психолога взглядом, пытаясь понять её чувства и эмоции, правдивость её слов. Внимательно выслушав Акиру, молодой человек понял, что необходимо ей ответить. Тихо набрав в лёгкие побольше прохладного воздуха, пропитанного запахом формалина, он начал свою речь:

— А это, по-твоему, не нормальные отношения? Чем лучше быть в обществе людей? Они вечно болтают, тратят свою жизнь на пустые слова. Верят в то, что они что-то значат, а на самом деле... Я был бы рад, если бы родился немым. Люди пялятся на тебя каждый день, многим от тебя что-то надо, ты чувствуешь себя погрязшим в долгах, ты будто увязаешь в пучину, постепенно понимая, что выхода из неё больше нет. Люди всегда рядом, ты чувствуешь их, даже когда они молчат. Как будто на тебя цепляют другую кожу... И ты... Ты пытаешься стянуть её, противишься, но не помогает. И это — самое отвратительное. Может, с психами общаться и интересно, но я пока что не хочу закончить свою жизнь в комнате с белыми стенами, Акира, — опустив

голову, полудемон закрыл лицо ладонями; некоторое время он сидел так, потом поднял глаза, полные усталости, скрывающей за собой нотки боли, на психолога. — Я не боюсь, — шёпотом сказал он. — Я не могу. Понимаешь, Акира, просто не могу. Единственные чувства, которые я испытывал за всю свою жизнь — это боль, усталость, страх, грусть и желание поскорее увидеть тебя. Мне прекрасно хватает твоих слов, прикосновений, твоих чувств.

«Я живу засчёт тебя», — чуть не вырвалось у молодого человека, правда, об этом буквально кричало его выражение лица. Теперь уже в глазах, наполненных до краёв болью, промелькнул гнев. Больше полудемон говорить не хотел. Он вновь закрыл глаза и отвернулся от психолога. Внутри Эна будто бы был какой-то барьер, не позволяющий ему открыто показывать свои чувства. С одной стороны, брюнет хотел от него избавиться, но, с другой, был рад тому, что он имеется. Скорее всего, Акира всё поняла по глазам, в которых редкие эмоции были самыми правдивыми из всего, что когда-либо показывал или говорил полудемон. Покачивая головой, он тихо вздохнул. Всё сейчас зависело от психолога, ведь Эндо не представлял, как она поведёт себя. Он вообще об этом старался не думать, ибо интерес подавили другие чувства, которые обычно подкатывали к горлу в этой комнате. Была даже определённая последовательность, которую молодой человек мог воспроизвести в любой момент своей жизни. Скоро придёт время страха, и брюнет это прекрасно знал.

Девушка терпеливо выслушала весь монолог Эна. Она всего этого не знала, вернее, даже не подозревала о подобном. Были какие-то догадки, но Акира не думала, что всё лежит гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд. Полудемон действительно виртуозно скрывал все свои мысли и чувства, что даже профессиональный психолог не мог их разгадать. Но сейчас маска пала, а глаза собеседника выдали всё, что только можно. А если не всё, то, по крайней мере, большую часть. Порой психолог особо не вслушивалась в слова пациента, а получала всю нужную информацию из глаз, которые больше не закрывала пелена безразличия.

— Знаешь, я не могу назвать это обществом, по той причине, что эти предметы никогда не смогут ответить тебе. Они не смогут пожалеть тебя, когда тебе больно, не смогут позлиться, поплакать и посмеяться вместе с тобой. Они всегда будут лишь смотреть на тебя стеклянными глазами... В этом и заключается общество. Люди общаются, чтобы обмениваться информацией между собой, чтобы найти тех, с кем им действительно интересно. Скажи, в моём обществе тебе не страшно быть? Я обычный человек, который ничем не отличается от остальных, такой же, как и все, но со мной ты вроде как спокойно разговариваешь. Я тоже могу пожирать тебя взглядом, но будешь ли ты от этого меньше со мной контактировать?.. А я, как видишь, не испытываю никакого дискомфорта от нашего диалога, — девушка слегка улыбнулась, а

потом, наклонившись к полудемону, ласково обняла его, прижимая к своей мягкой груди. — Главной разницей между чучелами и людьми является тепло. Муляж никогда не сможет подняться, не сможет обнять, утешить тебя, когда тебе больно, не сможет помочь советом в трудную минуту, а живое создание сможет. Нужно только найти это самое создание. Ну, скажи, что приятно. Объятия помогают снять чрезмерную моральную нагрузку и поднять настроение. Не обязательно заводить много знакомств. Достаточно всего нескольких человек, с которыми тебе будет комфортно, и которые примут тебя. И жить станет гораздо легче.

Девушка говорила эти слова, слегка поглаживая пациента по голове и совсем мягко прижимая к себе, оставляя ему свободу движений. Эн внимательно выслушал свою собеседницу. Сейчас он испытывал слишком много чувств, и они буквально убивали юношу. Как только Акира обняла полудемона, он тяжело вздохнул и закрыл глаза, прислоняясь к её тёплому телу.

— Тебе никогда не понять меня, — тихо сказал он. — Что значит находиться в обществе? Доказывать людям, что я достоин разговаривать с ними? Достойн быть рядом и дышать одним воздухом с ними? Не для этого я родился. Если жить, то только ради себя и ради того, кто тебе дорог. Дорог настоящему. Да, они никогда не ответят, но тем лучше. Не хочу выслушивать ложь. Не хочу смотреть в глаза, полные зависти, ненависти, тщеславия. Не хочу видеть, как люди портят друг другу жизнь, ходят по головам, выхватывая лакомый кусок лишь для себя и охраняя его, рыча на всех, кто посмеет подойти хоть на два шага ближе установленной границы. Это уже не люди. Отстранившись от психолога, молодой человек поднялся на ноги и протянул ей руку, помогая встать. Ничего не говоря, он направился к выходу, и девушка послушно последовала за ним, понимая, что подобная обстановка наверняка начала давить. Её и самой было не по себе в этом холодном окружении. Добравшись до тёплой и уютной квартиры, Эн закрыл дверь в подвал, отрезая свой мёртвый мир от мира живых, а потом, глядя в глаза Акиры, проговорил:

— Разве такой, как я, способен на радость? Вряд ли. Даже если ты поведёшь меня в какое-нибудь весёлое место, на праздник, я не смогу разделить с тобой всю его прелесть. Как бы я хотел, чтобы моя болезнь не проходила до конца дней, — последовала небольшая пауза. — Счастье душит меня. Слова пусты, ценность имеют поступки. Во что бы ты поверила, Акира? В мои слова о том, что я хочу тебя видеть или в то, что я звоню тебе каждый раз, когда ты не приходишь? В то, что я прихожу, если ты болеешь? В мои слова о любви к тебе или в надпись розами не снегу, на которую потребовалось ночь? В поцелуй или жертву ради твоей жизни?

Девушка покраснела от таких слов и отвела взгляд. Раньше она не слышала таких откровений от своего пациента, но, возможно, это был всего

лишь пример. Не стоило бы так реагировать, но психолог ничего не могла с собой поделать, ей было слишком приятно из-за этого неожиданного контраста. Из-за смущения психолог так и не нашлась, что ответить, не смогла собрать мысли для полноценного разъяснения своих мыслей, но полудемон этого и не просил. Наговорившись, Эн покачал головой и медленно пошёл на кухню. Надо было приготовить обед.

— Нам надо перекусить, — прокомментировал свои намерения молодой человек. — Ох, Акира, почему мы с тобой не мертвецы? Замолкнув, полудемон принялся раскладывать продукты, необходимые для приготовления обеда на их дуэт. Глядя вслед своему пациенту, девушка подумала:

«Ничего. Пусть сейчас мы и немного недопонимаем друг друга, я обязательно вытащу тебя из этой пучины!»

Да, упрямости у Акиры было не занимать, и это, пожалуй, было сильной чертой её характера, ведь если бы её не было, вряд ли бы они зашли так далеко.

— А ты бы хотел быть мертвецом? Быть пустой оболочкой без грамма жизни, лежащей в сырой земле? — спросила брюнетка, направляясь вслед за своим подопечным.

Эндо немного помолчал, а потом кивнул и ответил:

— Хотел бы. Хотел бы лежать в гробу рядом с кем-то, держать своего спутника за руку. Он, полумёртвый, говорил бы, что видит за гранью, а я бы наслаждался. Душа, которую не взяли туда... Хм, очень заманчиво. Смотрел бы за людьми из глубины кладбища, завёл бы себе друзей. Таких же, как и я. Безмолвных и одиноких.

Молодой человек достал из холодильника куриные ножки, после чего стал подготавливать сковороду и специи, чтобы заняться приготовлением пищи.

— Довольно романтическая картина, но нельзя ли перенести её в более приятное место? Например, на тёплый бережок моря. И почему бы не представить твоего спутника живым? В таком случае у вас бы появилось гораздо больше разнообразных тем для разговоров, да и времяпровождение в целом было бы куда интереснее, — возразила Акира, присаживаясь за стол и наблюдая за своим пациентом заинтересованным взглядом.

— Если мой спутник будет живым, он не расскажет, что происходит по ту сторону. Пусть я и имею крылья, так высоко мне не подняться. Можно и на море... Так даже ближе, но вдруг его унесёт ветром, м? Тогда я останусь один. Когда я умру, хочу, чтобы меня кремировали и развеяли пепел по морю. В могиле лучше лежать с кем-то, а бороздить просторы можно и в одиночестве, — ответил молодой человек, выкладывая на разогревшуюся сковороду куриные ножки.

— Слушая тебя, создаётся впечатление, будто я разговариваю не с полудемоном, страдающим психологическим расстройством, а с каким-нибудь писателем восемнадцатого или девятнадцатого века... Получается, ты не хочешь умирать в одиночестве, а значит, в тебе есть стремление найти того, с кем тебе действительно будет хорошо и в физическом, и в моральном плане. Это немного облегчает мою задачу, — чуть усмехнулась Акира, скрещивая ноги под столом.

Она упёрлась локтями в стол и положила подбородок на тыльную сторону своих ладоней, внимательно следя за реакцией подопечного.

— Разве психи не могут выдавать такие мысли? У нас же мозг, насколько я понимаю, работает по-другому. Мы по-другому воспринимаем мир. Многие могут сразу разгадать иллюзию, что применимо и ко мне. Никогда их не любил, — с лёгким недовольством ответил Эндо, посыпая курочку ароматными специями.

— Знаешь, многие мои пациенты, имеющие подобные расстройства, и половины слов не могли связать между собой. Только после лечения их мысли вставали в нужное положение, и они могли нормально формировать свою речь. А так приходилось разгадывать их весьма странную, но интересную форму разговора. Конечно, психи бывают разными, но в большинстве они именно такими и являются. А ты мало того, что нормально воспринимаешь информацию, так ещё и можешь адекватно оценить ситуацию и ответить даже лучше некоторых здоровых людей, — психолог даже усмехнулась над собственными словами, но она действительно так считала.

Всё же общество в это время испытывало регресс, так что многие люди не отличались особым умом и сообразительностью. По кухне пополз приятный аромат поджарившегося мяса, соединённого со специями. Девушка втянула его носом и прикрыла глаза от наслаждения, ведь у неё практически не было времени на нормальную пищу — всё один фастфуд да наспех сделанные бутерброды.

— Ты сама прекрасно знаешь, что у меня определённо есть проблемы. Ещё никто не придумал операцию, позволяющую видеть иллюзии. Люблю загадки.

Девушка неопределённо качнула головой, в большинстве своём соглашаясь со словами пациента. Иногда его речь приобретала некоторую сумбурность, и слова, предложения не казались логичными и подходящими под ситуацию. Но обычно они представляли иную ценность для разговора, выдавая интересные мысли молодого человека и позволяя психологу говорить с ним о чём-то отвлечённым, узнавая и складывая по кусочкам картину мира, предстающую перед её подопечным. Через некоторое время обед был готов, и полудемон, разложив ножки по тарелкам, поставил их на

стол. Акира слегка заёрзала на стуле: ей не терпелось приступить к трапезе, ведь и моральный стресс отнимает много сил.

Когда обед подходил к концу, девушка подняла на своего подопечного взгляд и, проглотив кусочек курицы, произнесла:

— На днях в городе пройдёт фестиваль. Подготовка займёт весь день, а вечером наступит ключевая часть. Будут разные конкурсы, вкусности... И фейерверк. Как смотришь на то, чтобы сходить туда вместе со мной? Акира считала, что подобное мероприятие будет весьма уместно и поможет полудемону сблизиться с обществом. Ведь во время фестивалей люди становятся добрее и общительнее, открываются друг другу, проявляют свои положительные стороны. Эндо, прожёвывая очередную порцию, ненадолго прикрыл глаза, раздумывая о предложении, а потом кивнул. Медленно и неуверенно, но кивнул. Он решил воспользоваться советом психолога и попробовать ужиться в обществе. Может быть, даже завести себе друзей. После частичного обдумывания слов психолога эта мысль не казалась такой уж глупой.

— Отлично! — улыбнулась девушка. — Тогда послезавтра вечером я за тобой зайду.

Закончив трапезу и убрав за собой, Акира попрощалась со своим подопечным и вышла из его дома.

Два дня юноша провёл в мучительном ожидании, хоть он этого и не показывал. Нет, эмоции нельзя было проявлять даже в компании себя самого. В них можно утонуть, забыться, потерять себя, сломать маску игрока. А этого допускать ни в коем случае нельзя. И вот, долгожданный вечер. Надев тёмные штаны, чёрную майку и фиолетовую толстовку с капюшоном, прикрывающую его особенность — рога, Эндо стал расхаживать по дому, ожидая свою спутницу. К счастью, она была довольно пунктуальной, и вскоре послышался уверенный стук. Подойдя к двери, полудемон на пару секунд замешкался, но потом резко открыл дверь. Акира предстала перед ним в традиционном кимоно фиолетового цвета с вкраплениями жёлтого. Волосы её были украшены заколкой — жёлтой лилией. В таком свете девушка ещё не показывала себя. Стоит сказать, как и офисная форма, так и длинная традиционная одежда шла ей, подчёркивая изящность и стройность фигуры. Слегка улыбнувшись пациенту, психолог спросила:

— Готов?

Молодой человек окинул девушку изучающим взглядом и кивнул ей, решив воздержаться от слов. Ему было непривычно покидать свой дом, своё убежище от внешнего мира, но отказаться в последний момент было

непозволительно. Тем более Эну и самому было отчасти интересно узнать, чем закончится эксперимент, хоть общество его и пугало. Выйдя за порог дома, полудемон закрыл за собой дверь и направился вслед за девушкой, глядя под ноги. Шаг за шагом он отдалялся от места, защищающего его от всех бед, и ноющее чувство образовалось в груди. Акира уверенно шла вперёд, прекрасно зная дорогу и будучи уверенной в том, что всё пройдёт замечательно. Молодому полудемону хотелось оглянуться, а ещё больше – вернуться, но он знал, что не может сделать этого и подвести ту, которая решила потратить на него, обычного пациента, своё личное время, в которое могла бы как следует отдохнуть, а не следить за тем, чтобы он ненароком чего-нибудь не натворил.

Поднявшись на променада, пара узрела множество палаток, украшенных светящимися фонариками различных цветов. Женщины и мужчины в традиционных нарядах ходили от одной изящной конструкции к другой, разглядывая предлагаемые товары и услуги; детишки носились между ними, весело смеясь и приподнимая подолы своих одеяний, чтобы не упасть; большая часть молодёжи предпочла отречься от ярких кимоно и одеться в современном стиле. Эндю спокойно разглядывал палатки, внимательно изучая и их, и людей, уделяющих им внимание. Прекрасные улыбки расцветали на лицах девушек, когда им удавалось забрать какой-то приз, лёгкий румянец покрывал их округлые щёчки, когда они слышали комплименты, а дети и вовсе бесплатно делились со всеми своим счастьем, заряжая народ позитивными эмоциями. Подул ветерок, и полудемон поправил капюшон, чтобы он не открыл его рогов.

Немного поведив своего подопечного по палаткам, Акира взяла его за рукав и отвела к парапету. Облокотившись на него, девушка посмотрела на море и, с наслаждением вдохнув морской воздух, проникающий глубоко в лёгкие и будто очищающий их, спросила:

— Как тебе?

Молодой человек встал рядом и, уставившись на тёмные волны, слегка повёл плечами. Лицо его, как всегда, было бесстрастным.

— Неплохо, — расслабленно ответил он. — По крайней мере, не так ужасно, как я думал.

Было видно, что, по сравнению с дорогой к этому месту, сейчас брюнет был более расслаблен. Он немного освоился, привык к обстановке, и толпа пугала его уже меньше.

Тут к ним подбежала девочка лет семи. Она дёрнула полудемона за штанину, и тот обернулся. Опыта общения с детьми у Эна, конечно же, не было, но он решил не упускать возможности пообщаться с кем-то из людей. Присев на корточки, брюнет заглянул в глаза юной незнакомки. Та мило улыбалась, разглядывая его своими большими любопытными глазами.

— Почему ты в капюшоне? — спросила малышка.

— Тут прохладно, — ответил молодой человек. — Тебе самой не холодно в такой лёгкой одежде?

Акира наблюдала со стороны, решив не вмешиваться в разговор, но внимательно следить за его ходом. Всё же общение должно пойти полудемону только на пользу.

— Ни капельки! — заявила девчушка. — Мне даже жарко! Тут подросла мама маленькой непоседы. Она быстрым шагом подошла к дочери и взяла ту за руку.

— Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не отходила далеко! — наставительно, с нотками тревоги произнесла женщина. — Ты же можешь потеряться! Прошу прощения, она у нас такая непослушная, — обратилась блондинка к Эну с лёгкой извиняющейся улыбкой.

Тот поднял голову на незнакомку и чуть покачал головой, показывая, что никаких проблем девочка не доставила. И тут лёгкий ветерок всколыхнул крыши палаток. Девушки схватились за заколки, чтобы поправить волосы и не дать им попасть в еду, а молодые люди слегка засмеялись, наблюдая за этим. Вот только полудемону было не до смеха. Ветерок смахнул капюшон с его головы, представив миру два закруглённых на концах рога. Взгляды брюнета и блондинки пересеклись. На долю секунды воцарилась тишина, что будто поглотила весь мир, а потом женщина резка притянула дочь к себе.

— Не приближайся к ней, — прошипела она, прижимая девочку к себе и закрывая от того, кто оказался не обычным человеком.

Некоторые обернулись, заметив, почувствовав изменение атмосферы. Зрачки юноши сузились, он резко поднялся на ноги и схватил Акиру за руку. Он чувствовал, как взгляды, полные страха и ненависти, прожигают его, миг за миг уничтожая и заставляя раствориться в атмосфере. Воздух стал ядом, любое дыхательное движение причиняло жгучую боль. Его ненавидели и боялись только из-за того, что он был другим. Не пытаясь уже накинуть капюшон и как-то вернуть представление людей о себе, Эндо быстрым шагом направился прочь, утягивая психолога за собой. Он расталкивал всех, кто не успевал отшатнуться, и постепенно прорывался к свободе, стараясь как можно быстрее покинуть этот удушающий прямоугольник, полный уже не людей, а озлобленных животных.

И вот, он на свободе, на воздухе. Сбежав по ступенькам вниз, на берег, юноша ринулся под стену, под обзорную площадку, что нависала над холодным песком. Девушка еле поспевала за своим подопечным. Она то и дело спотыкалась, а волосы её совсем растрепались во время бега, из-за чего некоторые пряди беспорядочно спадали на милое личико, искажённое волнением. И вот, они на месте. Развернувшись к Акире, полудемон упал перед ней на колени и обхватил руками её талию, прижимаясь щекой к её

впалому животу. Он тяжело дышал, сердце билось, словно ему вкололи дозу адреналина.

— Что бы... Что бы им не говорили, они никогда не примут чужака... — прошептал, стараясь перевести дыхание, Эндо. — Они всегда будут смотреть на меня, как на лишнего. Они могут врать, сколько угодно, что относятся ко мне, как и ко всем, но я буду видеть, что это не так. Они всегда... Всегда будут бояться меня и ненавидеть. Потому что я не такой... Стадо. Это всего лишь стадо. И лишь некоторые способны заглянуть чуть глубже и понять... — он задышался. — Акира... Акира...

Эн уткнулся носом в живот девушки, прижимая её сильнее к себе. Он не плакал, не истерил. Он говорил на удивление спокойно, хоть чувства и раздирали его душу, словно множество клыков, впившихся в лакомый кусочек плоти. Казалось, он на волосок от гибели.

Девушка обхватила руками голову своего подопечного и прижала её к себе. Она ничего не говорила — не могла. Её представления рухнули, но ненадолго. Она слишком ярко верила в общество, чтобы дать всем своим мыслям и надеждам погибнуть. Правда, пока она этого не осознавала: для неё все нити были оборваны, погребены под пеплом.

Акира закрыла глаза. По её щеке скатилась одинокая слеза.

— Я понимаю, Эндо. Понимаю, — тихо прошептала она.

Грянул фейерверк. Разноцветные огни прорезали тёмное небо, заменяя собой звёзды и обращая на себя внимание радостных людей, уже забывших о произошедшем недавно инциденте, уже вернувшихся в своё привычное состояние. Юноша и девушка стояли, обнявшись, и молча делились своими чувствами, отдавая и принимая. Это не было проявлением любви. Они лишь доказывали действиями свои партнёрские отношения.

Тем временем девочка-непоседа, вновь вырвавшись из толпы людей, покинув рассеянную мать, сбежала по лестнице, где скрылся её новый знакомый, так заинтересовавший её своим необычным внешним видом. Она замерла, не достигнув и середины. Замерла, глядя на глубокое разочарование и искру надежды, что вспыхнула в глазах девушки, встретившейся с ней взглядом.

День и Ночь

На стуле в тёмной комнате сидит юноша в круглых тёмных очках. Он изящно закинул одну тонкую ногу на другую, сложив руки на колене. Чёрная трость свисала вниз, едва касаясь пола, а взор юноши был устремлён вперёд. Вернее, так казалось, ведь из-за тёмных очком не было видно глаз молодого человека. Его пригласили на интервью, и он попросту не смог отказаться от такого заманчивого предложения. В середине комнаты стоял стол, на котором лежали какие-то бумаги, явно подлежащие тому, кто должен провести

интервью. Юноша был слишком бледным, будто у него забрали все краски, будто ожил чёрно-белый портрет. Он был хрупкого телосложения и скорее походил на фарфоровую куклу, чем на живого человека.

В комнате напротив сидел, наоборот, яркий парень среднего телосложения. Он был заметно выше своего соседа и буквально светился. Светлые рыжие волосы беспорядочным клубком устроились на голове, чуть более светлого цвета жилетка была расстёгнута, оголяя белую футболку, что скрывала мускулистое тело юноши. Но в глаза бросался один недостаток, который был настоящим бельмом на глазу: у парня не было рук, область чуть ниже плеч скрывали белоснежные бинты. Юношу же это, казалось, не заботило. Он осматривался по сторонам и насвистывал какую-то приятную мелодию, которая была из тех, которые хотелось повторять вновь и вновь. Этот подросток тоже ждал своего собеседника и никак не мог дожидаться из-за излишней нетерпеливости. Юноша в соседнем кабинете был, наоборот, совершенно спокоен и не обращал внимания на время.

Вскоре, подросли два брата-близнеца. Кивнув друг другу, они разбежались по кабинетам. Одновременно хлопнула дверь, одновременно отодвинулись стулья и два молодых человека присели на них, одновременно произнеся одинаковым голосом: «Прошу меня простить, были некоторые трудности. Итак, начнём?»

Оба юноши кивнули, но вот реакция была разной. Первый, в очках, спокойно кивнул:

-Конечно, я Вас понимаю. Я готов ответить на любые вопросы.

А вот рыжеволосый отреагировал острее, он чуть ли не подскочил со своего места, стоило двери открыться:

-Как же я заждался! Если у Вас назначено интервью, то надо приходиться вовремя, я не люблю опозданий! – юноша скрестил бы руки на груди, но из-за того, что их не было, проделать этот жест было невозможно.

Братья ничего не ответили, лишь синхронно кивнули. Пришло время задавать одинаковые вопросы, в которых мало что могло поменяться. По крайней мере, они были заданы на одинаковые темы.

-Скажите, почему Вы носите очки?

-...почему у Вас нет рук?

-Дело в том, что я слеп. Я не хочу ходить с закрытыми глазами, поэтому прикрываю их тёмными очками, - спокойно пояснил юноша и чуть склонил голову вбок.

-Пф, да не знаю я, почему. Родился таким! – более агрессивно ответил рыжеволосый и отвернулся от собеседника, закрыв глаза.

-Вам удобно...

-...ходить именно так?

-Да, вполне. Будучи слепым с рождения, я...

-...как-то приспособился к этому! Не упал духом, как видите.

Юноша широко улыбнулся и с искрой в глазах посмотрел на одного из братьев.

-Ну что ж, отойдём от таких деталей. Скажите, что Вы предпочитаете: день...

-или ночь?

-Я не завидую Дню, а отдаю предпочтение Ночи. Днём тебя ждёт только одно разочарование... Бывают, конечно, сладкие моменты, но им просто нет времени уделять внимание. То ли дело Ночь. Ты можешь расслабиться и хорошенько подумать о том, что произошло с тобой, а потом погрузиться в сладкий мир красочных снов. Время длится медленнее, оно обволакивает тебя, а ты наслаждаешься и полностью отдаёшься ему, не желая менять это времяпровождение ни на что другое. Днём ты попросту не можешь протянуть руки к чему-то, даже мелкому, а Ночью ты в состоянии коснуться необъятного. Разве это не прекрасно?

Улыбка коснулась губ юноши, он повернул голову в сторону собеседника и чуть склонил её, обдумывая своё высказывание.

-Естественно я предпочитаю День! Открывая глаза после долгого и муторного сна, ты идёшь навстречу приключениям, навстречу жизни! Чем хорош мир грёз? Ты попросту обманываешь себя, а я против такого. Тем более ночью ничего не видно, тебя на улице подстерегает много опасностей. Не так, как Днём! Ох и не завидую же я слепой Ночи! Слишком уж она медленная, это не для меня. Лучше уж бодрствовать, успевать много всего за небольшой промежуток времени.

Безрукий юноша широко улыбнулся и посмотрел на собеседника сверкающими глазами.

-Вот и славно, мне даже не надо было...

-...задавать уточняющий вопрос. Скажите теперь...

-...Ох! Какое же время проворное! Мне придётся...

-...покинуть Вас. Приятно было пообщаться, надеюсь...

-...мы ещё встретимся.

Братья одновременно поднялись, поклонились и вышли из комнат навстречу друг другу. Они в спешке вышли из здания и остановились, посмотрев на небо.

-Это так странно... Мы братья, но...

-...никогда не видели друг друга. Так...

-...положено природой. Жаль, что я...

-...никогда не смогу тебя увидеть.

На этих словах разговор близнецов закончился, и они ушли в темноту, в противоположные стороны: на восток и на запад.

Следом здание покинули и юноши. Они тоже остановились и повернулись друг к другу.

-Хорошо, что они наконец решили это сделать, - произнёс слепой.

-Так точно! А то эта недосказанность немного не радовала. Теперь, чувствую, они нам все уши проедят.

Безрукий рассмеялся и немного пошевелил плечами.

-Кажется, нам пора возвращаться. Как же хорошо, что сегодня затмение! А то никакой передышки круглыми сутками.

Юноша устало вздохнул и стал разрабатывать плечи.

-Ты прав, я тоже рад этой встрече. Надеюсь, скоро мы сможем обсудить что-нибудь поинтереснее друг друга, и эти ненасытные братья впитают новую информацию, чтобы передать её нам же.

Юноши кивнули друг другу и повернулись спинами. Рыжеволосый встал лицом на юг, а человек-кукла – на север. Через несколько секунд из их спин вырвались крылья, полностью олицетворяющие их сущности. Слепому унесли в небо яркие краски, сплетающиеся в невероятные узоры и узлы, крылья сладкого забвения. А безрукий исчез на крыльях горькой правды, крыльях, состоящих из бесцветных роз, костей и бумаг, одно слово из которых владеет судьбой человека.

Валентин Дмитриев 2

Живи, пока живётся,
Пока собой пригож.
Смотри, какое солнце,
Как мир вокруг хорош!
Живи и наслаждайся,
Окружающей средой,
И никогда не расставайся
С этой красотой.
Её очаровательная прелесть
Не даёт хандрить
И желание вызывает
Бесконечно долго жить.

Жизни срок
Продлевает счастья глоток.
И чем больше этих глотков,
Тем больше этих годков.
Нам счастливые минуты
Увеличивают жизни срок
И уменьшают годы
Горечи комок.
А без мёда и полыни
Невозможно жизнь прожить
И приходится, как на mine,
Нам на белом свете жить.

Смерть тем и хороша,
Что избавляет от мытарства
И загадочная душа
Улетает в заоблачное царство.
Она встречается в облаках
С живущими там предками,
Которые наблюдают в небесах
За своими детками.

Душа прилетает погостить
 К деточкам на ночьку,
 Чтобы на деток посмотреть
 И поцеловать их в щёчку.

Зачем мне к смерти торопиться,
 Зачем мне время подгонять –
 Сперва бы надобно жениться,
 Да и детишек нарожать.
 А после вырастить детишек,
 И научить их кой-чему.
 Потом внучат малышек
 Катать на спинке самому.
 И хорошо бы ещё праправнуков
 Увидеть в жизни наяву.
 Тогда без всяких уговоров
 Я дату смерти назову.

Божья воля
 Присутствует во всём,
 Кому какая доля
 Написана богом.
 И от неё не отвертеться,
 Не скроешься в толпе –
 Жизнь внезапно оборвётся,
 Как предсказано тебе.
 Всё написано заранее
 В утробе матери твоей,
 А люди, ...тем не менее
 Считают, что по – глупости своей.

С уходом на тот свет
 Жизнь не прекращается –
 Душа вечно живёт
 И с землею не прощается.
 Она прилетает посмотреть
 На своё покинутое тело,

Чтобы вместе пореветь
 За недоделанное дело.
 Их личная беседа
 Не известна никому –
 Доступна тайна эта,
 Лишь богу одному.

Не для каждой личности
 Даётся право взаимности.
 Мы оказываем эту честь,
 Тому, кто в душу сумел залезть.
 А все остальные прочие,
 Случайные прохожие.
 Перемолвились на ходу
 И исчезли из виду.
 Задушевная же душа
 Тем и хороша,
 Что когда её встречаешь,
 То как цветок расцветает.

Положение влюблённого –
 В состоянии неопределённого.
 То ли сбудется желание,
 То ли будет расставание.
 Так и ходит в неизвестности
 По окрестной местности.
 Ждёт желанного ответа
 От очаровательного предмета.
 И неизвестно до конца
 Для влюблённого лица,
 Когда скажут, наконец,
 Идём завтра под венец

Любовная тематика -
 Как лирическая математика.
 Ошибся там и тут,
 И получил неуд.

А пересдачи в любви нет.
 Виноватый всегда студент –
 В неудачный он момент
 Выбрал в жизни не тот билет.
 Вся наша жизнь, как лотерея,
 Кому что достанется.
 У одного будет Галатея,
 А другому до гроба маяться.

У каждого свой
 Идеал на свете.
 Он таинственный такой,
 И держится в секрете.
 Если его раскрыть,
 То идеал исчезнет,
 Поэтому молчать
 Об идеале следует.
 Молчание приближает
 Встретиться с мечтой,
 И молчалиника награждает
 Счастливою судьбой.

Любовное начало
 Не дано предусмотреть.
 И неизвестно когда тело
 Любовью может заболеть.
 Вокруг много людей
 Среди нас находится,
 И кто будет любовью твоей,
 Сердце выбрать не торопится.
 Оно сидит пока в засаде,
 Ждёт часа своего.
 И подносит ему на блюде,
 То, что надо для него.

Какие вокруг дамы,
 Одна лучше другой.
 Так и влекут мужские взоры
 Любоваться женской красотой.
 От их чарующего взора
 Пьянеет мужской пол,
 Уходя за дамой сердца
 Навеки вечные в полон.

Что хотите издавайте,
 Публикуйте свою ложь,
 Православных на мякине
 Всё равно не проведёшь.
 Не для всякого найдётся
 Расписная благодать.
 Мимо носа пронесётся
 Болтовня эта опять.
 Не про нашего же брата
 Пишут сказочную чушь,
 И не в нашу честь играют
 Музыканты бравый туш.
 Оболванить за границей
 Хочет нехристей Москва,
 Оболванив народ русский
 Предварительно сперва.

За дерьмо меня считали
 И смотрели свысока,
 И толкали и пинали,
 Как паршивого щенка.
 поголовно все считали
 Что до них не дорасти,
 И поэтому решили
 Безднаказанно трясти.
 Только кичились напрасно
 Своим маленьким умом.

Сами ныне оказались -
 Тем же самым же дерьмом.
 Не хвались, коль бог обидел,
 Без таланта в мир пустил,
 Видно в маминой утробе
 Ты ему уж насолил.

Моя мамочка гадала
 Для сыночка в Спасов день-
 Будешь в маслице купаться,
 Как средь уток селезень.
 Предсказание мамы сбылось,
 Я купаюсь ,как во сне,
 От рождения до могилы
 В коммунистическом дерьме.

Везде и всюду власть и сила
 Довлеет исстари кругом
 И несогласных пожирает
 С пушком и шерстью целиком.
 И пусть умолкнут демагоги
 Вещать о равенстве людей,
 Когда человечество всецело
 Кровожаднее зверей.

К целованию женских мест
 Тянутся мужчины
 Для отказа у невест
 Нет веской причины.
 Эти обнажённые места
 Женского сложения
 Соблазнительны всегда,
 Ещё до этого мгновения.
 А настоящее блаженство
 Испытываем в миг,
 Когда девичье царство
 Попало на язык.

Жизнь продолжается
Несмотря ни на что
Если один скончается.
То появится новое чудо.
Старое исчезает
Молодое живёт –
Одно другое сменяет
И жизнь своим ходом идёт.
Мы появились
И после нас
Жизнь продолжается
Радую глаз.

Судьба сводит не случайно
Незнакомых двух людей.
Она соединяет их попарно
Во влюблённых лебедей.
Которые друг без друга
Не могут дня прожить
И начинают в час досуга
Своё гнездышко лепить.
Когда гнездышко готово,
То выводятся птенцы,
Которые вырастут и снова,
Разлетятся во все концы.

Любовь, здоровье и уют
Людям счастье создают
И называется бедой
Когда нету таковой.
А настоящая катастрофа,
Когда всё бывает плохо.
И нет ничего хорошего
У создания божьего.

Алёхина Варвара

Первый контакт

«Да, долго же нас пугали тем, что это будет невыносимо. Были, конечно, трудности, но куда же без них? Их мы преодолевали всем нашим международным коллективом и, более того, даже ни разу не соскучились за эти девять месяцев: пели песни, рассказывали разные истории и анекдоты, играли в игры, и нам никак не мешали наши национальные различия», — подумал Андрей. «Что там на Земле? Нам сейчас не до этого, ведь на наших плечах такая важная и ответственная миссия. К тому же, с этой колыбелью человечества нас больше ничего не связывает. Обратного пути нет».

Буквально несколько марсианских суток назад на космическом корабле «Mars One» прибыл экипаж из шести человек с одноимённой миссией для колонизации планеты. Двое из него — медики, австралийка Кэтрин Коэн и британка Сара Грант. Ещё двое занимались ремонтом техники и оборудования: китаец Юй Линг и южноафриканец Гвандоя Тума. Американка Джейн Петерсон занималась экзобиологией, а россиянин Андрей Веденский был геологом.

Удивительно, но до этого дня миссия шла полностью по заданному плану: никаких серьёзных нештатных ситуаций на корабле не было, кроме, разве что, мелких поломок оборудования или лёгкого головокружения и тошноты у экипажа. По прилёту, фортуна, кажется, продолжила сопровождать команду. Все члены исправно выполняли поставленный график работ, хотя он казался совсем невыполнимым, при этом не унывая, шутя и ведя высокоинтеллектуальные беседы. Надо ли говорить, что все были дружны и помогали друг другу. В общем, обстановка в коллективе была прекрасная, и даже тот факт, что команду круглосуточно и повсеместно снимают камеры, транслируя на Земле, никак не мешал её членам.

В тот самый день каждый участник занимался своим делом: механики разбирались с солнечными батареями, медики продолжали готовить операционную палату, а геолог и экзобиолог собирались в небольшую экспедицию на вездеходе с целью изучения местности и взятия проб твёрдых пород.

Итак, всё оборудование сложено в багажник планетохода, и американка с россиянином тронулись в путь. Они объехали возвышенность и остановились на равнине.

— Прибыли на место. Начинаем работу, — отчитался центру полётов Андрей.

Ребята молча улыбнулись друг другу и начали доставать своё оборудование: Джейн достала ямобур и ёмкости для грунта, а Андрей достал

и положил на грунт тахеометр с фотоаппаратом и уехал на вездеходе до следующей возвышенности, дабы съёмке ничего не мешало.

Скрывшись из вида, россиянин остановился, вылез из вездехода и стал осматривать местность, думая о том, что на следующий день они с Джейн приедут для исследований именно сюда. Внезапно Андрей увидел что-то чёрное, наполовину скрытое за следующей возвышенностью. Он не поверил своим глазам, ибо до прилёта никакого объекта замечено не было, а все марсоходы находятся в других местах, да и объект в целом не похож на марсоход, так как был очень больших размеров. Андрей подумал, что это галлюцинации, и решил привезти сюда Джейн, чтобы убедиться или опровергнуть свои наблюдения. В процессе езды по связи объявили: «Сообщение принято. Желаем удачи». «Не прошло и шести минут», — подумал Андрей.

Джейн увидела приближающегося на вездеходе Андрея и сильно удивилась.

— Джейн, поехали со мной. Я увидел там какой-то объект, — показывая на то место, сказал Андрей.

Джейн без колебаний села в вездеход, бросив бур и всё остальное оборудование. Когда ребята оказались на месте, Андрей сказал:

— Ты тоже это видишь?

— Ого! Что там такое? — удивлённо спросила американка.

— Вот и я пытаюсь понять.

— Поехали туда!

Они отправились к объекту, забыв доложить о нём по связи.

Этот объект оказался каким-то огромным и высокотехнологичным космическим кораблём. Он не был стандартной в представлении землян летающей тарелкой. Корабль имел вытянутую обтекаемую форму со всевозможными выпуклостями, антеннами и другими объектами, а стоял он высоко над грунтом на четырёх ножках. Андрей и Джейн стояли и с восхищением и страхом смотрели на этот корабль; он будто манил их, и земляне пошли к нему. Встав почти под ним, ребята смогли по-настоящему оценить мощь летательного аппарата; очевидно, что на нём существа из высокоразвитой цивилизации. Кто на этом корабле? Откуда они прилетели и зачем они здесь? «Как бы хотелось туда попасть», — подумал Андрей.

Внезапно перед ними появилась лестница, ведущая к входу корабля. Андрей без колебаний поставил стопу на первую ступень. Ребята не сообщили об увиденном ни Земле, ни товарищам. Что ждало там землян? Может, и вовсе смерть, ведь инопланетяне могли быть настроены совсем не дружелюбно. Тем не менее, любопытство оказалось сильнее всех остальных чувств, что и заставило сделать ребят столь безрассудный поступок.

Уже на пороге абсолютно бесшумно и плавно открылся входной люк, и люди оказались в маленькой каюте. Это была каюта перепада давления. Американка догадалась взять с собой датчик параметров атмосферы и в данный момент она смотрела за их изменениями. Внезапно параметры перестали меняться, и датчик высветился зелёным.

— Андрей, показатели воздуха как на нашем корабле! — с восторгом сказала Джейн.

Они сняли шлем и теперь могли общаться без связи. Открылся следующий люк, и ребята увидели некое светлое помещение с большими иллюминаторами, через которые можно было видеть всё, что происходит снаружи. Дальше был виден длинный проход, по бокам которого неонов горели цифры. «Это каюты экипажа», — догадался Андрей. В этом помещении также находилась куча какого-то оборудования, о функциях которого земляне так и не смогли догадаться.

Впечатления от увиденного были просто потрясающими: всё, что было описано в научной фантастике, можно было увидеть здесь.

Земляне боялись идти дальше и ждали появления зелёных гуманоидов. Каждый продумывал встречу с ними и одновременно боялся её.

Вдруг из ближайшей каюты вышло нечто... нечто прекрасное. Вопреки всем ожиданиям, существо было вполне земным, то есть земной девушкой, только в разы прекраснее. У Андрея сбилось дыхание — он точно влюбился. Её мягкие, почти детские черты лица, её пухлые губы, её необычная причёска, её пронзительный взгляд голубых глаз, её подтянутая грудь, её тонкая талия, её широкие бедра... Всё это Андрей мог видеть только в самом лучшем эротическом сне. Почему он смог оценить её фигуру? Потому что её скафандр полностью обтягивал тело. К тому же, он был намного современнее, легче, тоньше, эластичнее, удобнее, и при всём этом выглядел он стильным и красивым, в отличие от белого, толстого, неуклюжего и плохо проветриваемого скафандра землян.

Ребята были восхищены, и это было заметно, а вот инопланетянка смотрела на них без тени удивления. Наконец, Андрей очнулся и начал говорить.

— Здравствуйте! — неловко произнёс он. — Я знаю, вы меня не поймёте, но давайте дружить! — и Андрей нежно взял инопланетянку за руки. Она заинтересовалась.

В этот момент из той же ближайшей каюты вышел на сей раз человеческий мужчина, и теперь дыхание затаилось у Джейн. Андрей от испуга бросил руки инопланетянки.

Этот мужчина также был прекрасен: силен, подтянут, строен, обаятелен, а лицо выражало живую мимику. В отличие от девушки, он был более

раскован на эмоции и сразу улыбнулся гостям. Джейн даже не пыталась скрыть своего восторга.

Андрей нашёл подвешенное стекло и начал символично чертить солнечную систему. На стекле стали появляться фиолетовые следы от пальца, но Андрей даже не успел удивиться данному чуду, ведь он так торопился объяснить месторасположение своей Родины.

— Вот — Солнце, — рисуя и жестикулирую, говорил Андрей, — вот — Меркурий, вот — Венера, а вот — Земля. Мы оттуда прилетели, — тыкая в себя пальцами, объяснял Андрей.

— Да, да, мы оттуда, — поддержала Джейн.

Инопланетяне чуть не рассмеялись от данного представления.

— А это — Марс. Мы сейчас находимся здесь, — продолжал россиянин, показывая пальцами вниз.

— Значит, мы правильно поняли, что именно это - ваш мировой язык, — с акцентом сказала инопланетянка.

Землян переполнили эмоции.

— Да, правильно! — почти закричал Андрей. — Какое это счастье встретить представителей внеземной цивилизации! У нас с вами, должно быть, одни предки. Мы так с вами похожи.

— Да, это верно, — сказала более скупая на эмоции инопланетянка. — Только, почему на вашей планете столько разных языков? Мы долго наблюдали за вашим домом и не сразу поняли, какой из них является мировым.

— Наш мировой язык — английский, однако у нас много национальностей, и у каждой из них есть свой язык, — ответил Андрей.

— Значит, вы ещё не объединились, — сказала инопланетянка. — Тогда с какой целью вы прибыли сюда?

— С целью колонизации, — гордо ответил Андрей.

— Колонизации? Зачем? Вам не хватает места на, как вы её называете, Земле?

— У нас грядёт перенаселение.

— Да? По нашим данным, у вас на планете катастрофическая неравномерность плотности населения. Есть перенаселённые точки, а всё остальное — либо слобонаселённые участки, либо не населённые вообще. Наверное, вас обманули.

— Да, но эти участки непригодны для жизни. Там либо мороз, либо пустыня.

— А здесь пригодны? Почему же вы тогда ходите в скафандрах?

Андрей замялся.

— Понимаете, — пришла на помощь Джейн, — это бесценный опыт, изучение планеты, воздействия её среды на человека, создание новых

технологий, в том числе, и в медицине. Этот опыт получит всё человечество и будущее его поколение.

— Хорошо, но почему вас тогда не вернут обратно? Зачем вам именно колония?

— Потому что это очень затратно и технологически трудновыполнимо, — сказала Джейн.

— Ну а если с Землёй что-то случится? Метеорит, например, а здесь может продолжиться человечество, — очнулся Андрей.

— В некоторых частях вашей планеты мы заметили ракеты, стоящие наготове. Разве они не для космической защиты?

Земляне поняли, что лучше не говорить о реальном предназначении этих ракет.

— Ну, или какая-либо другая угроза, например чрезмерная активность Солнца, которая повлечёт за собой катастрофическое повышение температуры на Земле, — попытался выкрутиться Андрей.

— По нашим подсчётам ваша звезда превратится в красного гиганта только через четыре с лишним миллиарда лет. И вы так и не ответили, для чего вам эти ракеты? Впрочем, мы и так всё знаем. В нашей истории тоже есть такие позорные моменты. Мы смогли справиться с этим, и теперь всё по-другому. И, как мне кажется, вы оказались здесь не ради науки — вы сбежали с Земли, однако здесь вы не протяните долго: у вас нет хорошей защиты от радиации.

Инопланетянин одёрнул свою коллегу, сказал ей что-то на своём языке, а затем обратился к землянам:

— Не обращайтесь внимания. Фэйра не отличается особым тактом.

Земляне не услышали этих слов, так как были сильно напуганы.

— Простите, если я сказала что-нибудь грубое, но даже если вы создадите здесь свою колонию, что будет дальше?

— Каждый новый экипаж будет доставлять новые технологии и оборудование. Мы будем рожать детей, строить дома, заниматься терраформированием планеты для пригодной жизни, — сказала Джейн.

— А потом наиболее богатые люди переселятся сюда и будут жить в хороших условиях, а все остальные останутся на Земле и будут фактически рабами, живущими в трущобах, и от нехватки ресурсов, так неразумно потраченных, будут голодать. Затем на этой почве начнётся война или революция, которая разрушит всё и растащит ресурсы уже этой планеты.

Инопланетянин снова одёрнул коллегу, но та не послушалась.

— Либо другой вариант: будет война за земли, ресурсы...

— Нет! Здесь всё будет по-другому. Мы напишем новые законы, и всё будет справедливо, — заявил Андрей.

— Законы? Вы опять всё будете регулировать законами?

— А чем же ещё? — удивился Андрей.

— Всё бесполезно. Вы не можете так просто оторваться от своего дома, не взяв с собой его культуру.

Земляне были удивлены такой бестактности.

— Вы хотите сказать, что мы скоро умрём здесь? — почти в слезах сказала Джейн.

— У вас два варианта: либо вы как цивилизация истребите сами себя, либо придёте к свободе, миру и справедливости.

— Я спрашиваю не про цивилизацию, а про нас. Неужели мы здесь умрём? — Джейн уже рыдала. Андрей обнял её за плечо.

— Какой индивидуализм! Вы — часть цивилизации. Всё, что есть у человечества, есть и в вас. Теперь спрашивайте с тех, кто скрыл от вас информацию и отправил сюда. Я не удивлюсь, если вас снимают и транслируют на потеху публике.

Земляне вздрогнули, ведь Фэйра попала в точку.

— Что нам делать? Помогите! У вас же есть какие-то защитные технологии, — умоляла Джейн.

— Никогда! — жёстко ответила Фэйра и ушла в свою каюту.

Инопланетянин грустно улыбнулся и сказал:

— Успокойтесь, пожалуйста. Просто, у нас всё принято говорить прямо. Как мы поняли, у вас немного по-другому. Почему мы не можем дать вам наши технологии? Даже несмотря на то, что у вас нет сверхбыстрых звездолётов, мы не можем гарантировать, что технологии не попадут на Землю к наиболее жадным, злым и алчным представителям. Казалось бы, безобидная защита от радиации, однако одни могут использовать её для себя, чтобы запустить ядерные ракеты на других. Мы предполагаем, что в ваших ракетах именно ядерные боеголовки. Тогда мы лишь ускорим исчезновение вашей цивилизации, а мы этого не хотим. Мы очень надеемся, что вы сможете преодолеть это и свернуть на правильный путь, вырасти нравственно и интеллектуально. Всё это вы должны сделать сами с болью, потом и кровью, иначе ничего не получится. Накопленная история должна мотивировать вас не откатываться назад к дикому строю общества, а наоборот идти вперёд и бесконечно расти и развиваться. Я верю в вас, но на этом историческом этапе нам придётся расстаться, а уже наши потомки будут дружить и сотрудничать!

Инопланетянин начал махать рукой. Земляне начали махать в ответ, неохотно отходя назад к комнате перепада давления. Когда они очутились там, закрылся переходной и открылся входной люк. Земляне медленно спустились по лестнице, и она сразу же задвинулась вверх.

Ребята были абсолютно подавлены: последние слова инопланетянина были, конечно, ободряющими, но всё же было непонятно, правду ли сказала

Фэйра о радиации. «Да нет, чушь какая-то! У нас есть защита, и датчики не засекают превышения нормы. Всё будет хорошо», — приободрил себя Андрей, однако всё равно что-то грызло его изнутри.

Пока земляне ехали на вездеходе, решили, что расскажут о происшествии товарищам, но прежде нужно забрать брошенное оборудование. Андрей складывал тахеометр в багажник, когда услышал крики о помощи по связи от Джейн. Оказалось, она продырявила свой скафандр, и воздух стремительно выходил из него. Андрей полез к ней на возвышенность, прихватив пластырь. Всё бы обошлось, но Андрей никак не мог найти дыру. Когда она, наконец, нашлась, воздух практически полностью вышел из скафандра и баллонов, а запасных воздушных ёмкостей они не взяли. Андрей подключил один из своих баллонов к скафандру Джейн, понёс её к вездеходу и погнал к лагерю что есть мочи, однако от такой езды вездеход вышел из строя примерно за сто метров от модуля. Разбираться в причинах поломки абсолютно не было времени, и Андрей снова взял Джейн на руки и побежал, однако бежать у него не получалось, так как малая гравитация планеты давала ощущения нахождения в воде. Россиянину казалось, что он подпрыгивает на месте. Тогда он решил позвать на помощь австралийку и британку. Они незамедлительно пришли на помощь, внесли её в операционную и положили на стол.

— Снимай с неё шлем и скафандр, — скомандовала британка.

— А почему я? — возмутилась австралийка.

— Делай, что говорят!

Андрей удивился, как можно спорить о том, кто будет снимать скафандр, когда речь идёт о жизни.

Австралийка начала снимать скафандр и никак не могла справиться со шлемом.

— У тебя руки не из того места растут! — заорала британка.

Австралийку так зацепило это высказывание, что та вцепилась в свою коллегу и повалила её на другой стол. Андрей попытался разнять их, но ярость женщин не знала границ.

Каким-то образом у австралийки в руке оказался длинный скальпель, который она со всей силы воткнула в печень соперницы и провернула его. В глазах британки погас свет жизни. Андрей не понимал, что происходит, и почему австралийка так себя повела. Он был в ступоре.

У австралийки были бешеные глаза, которые метались из стороны в сторону. Её дыхание было тяжёлым и частым: было видно, что она не знает что делать. В её руке остался скальпель, и она вонзила его себе в шею и упала. Андрей закричал и подбежал к девушкам, но они уже были мертвы, и спасти их не представлялось возможным. «Может, Джейн можно спасти?» — подумал россиянин и снял шлем с американки, но её губы уже были синими.

Буквально за несколько минут экипаж лишился прекрасной своей половины. Что теперь делать? Андрей побежал в каюту, где располагались мужчины.

— Юй, Гвандоя, у нас катастрофа! Все девушки погибли! — закричал Андрей.

Мужчины вышли из каюты, но почему-то не спешили в операционную. Более того, африканец вообще начал выходить из модуля.

— Куда ты? У нас пол экипажа не стало! — закричал Андрей.

— Надо солнечные батареи доделать, — как ни в чём не бывало, сказал Гвандоя.

— Какие солнечные...

Внезапно китаец начал громко кашлять и задыхаться. Андрей не знал, что делать.

— Гвандоя, не уходи! — умаял россиянин.

Но африканец ушёл, а китаец уже бился в предсмертных судорогах. Времени не было, Андрей решил сделать ему массаж сердца — не помогло. Пришлось доставить его в операционную и потеснить мёртвую американку, положить его на стол. Андрей достал дефибриллятор и даже смог им воспользоваться, но снова неудача. Россиянину показалось, что у китайца случился сердечный приступ. Кэтрин и Сара могли бы точно определить это, но теперь они бездыханно лежали в этой же операционной...

Андрей со слезами встал на колени. «Что происходит? Почему все так резко сошли с ума? Что случилось? И почему Гвандоя так странно повёл себя?»

Андрей решил вызвать африканца по связи — нет ответа. Тогда он выбежал из модуля и увидел африканца, копающегося в проводах. Россиянин побежал к нему, и в этот момент в этих проводах произошёл мощное короткое замыкание, после которого африканец мгновенно упал. Андрей попытался спасти его, но уже в который раз всё было тщетно.

В этот момент россиянин осознал ужасную реальность: он здесь совсем один, вдали от родных людей, от своего дома без возможности вернуться. Что будет с ним дальше, он даже не мог представить. Его охватил страх и паника. Он схватился за шлем, сильно закричал и... проснулся в кабинете с множеством оборудования, задыхаясь, и в холодном поту.

— Всё хорошо, успокойтесь, дышите ровно, — ласково сказала женщина в белом и что-то пробормотала в рацию.

Андрей огляделся и вспомнил, что он один из потенциальных членов экипажа миссии полёта на Марс, давший своё согласие на проведение над собой опытов по анабиозу.

— Всё хорошо, вам просто приснился кошмар. Такое бывает.

— Кошмар? Да, кошмар. Кошмар всё, что творится здесь и на всей нашей Земле, — закричал Андрей. — Я больше не буду в этом участвовать!

Послушайте, зачем нам это надо? У нас же нет достойной причины, чтобы лететь туда именно сейчас. Мы же должны...

Женщина в белом будто бы слушала его, понимала и даже была с ним согласна, пока в палату не вошли двое крепких санитаров. Андрей отвлёкся на них, и женщина быстро ввела ему укол. Он не успел ничего сказать и сделать, ведь сладкая нега обволокла его. Ему стало хорошо, и он уснул. Очнувшись же он в одной из психлечебниц США и даже не удивился этому, ведь то, что он мог поведать, могло бы подорвать веру бесстрашных, но безрассудных покорителей, а за одно и авторитет этого проекта. «С другой стороны, кто-то мог принять меня за психа. Но может оно так и есть? Надо узнать», — подумал Андрей.

Оказалось, что он вполне здоров, и лежит в специальном кабинете для таких, как он. Действительно, в этом месте находились вполне адекватные люди, и у каждого из них была своя история, не хуже истории Андрея: кого-то сюда запрятали конкуренты, кого-то — бывшие работодатели, а кого-то даже бывшие жёны. По больнице быстро распространялись истории этих пациентов, и поэтому обращение к ним было как к нормальным людям.

В связи с этим, Андрей понимал, что, скорее всего, его лишили возможности встретиться с кем-то, даже с самыми близкими людьми, но, несмотря на всю безнадёжность ситуации, Андрей знал, что не сдастся и обязательно выберется отсюда, чтобы поведать миру об увиденном во сне.

Прошло несколько дней: россиянин сильно стосковался по своей Родине и теперь точно знал, что если бы он и полетел на неизведанные планеты, то только от имени России и ради высокой цели. Ещё из его головы никак не выходили инопланетяне: «Существует ли эта цивилизация на самом деле, что так похожа на нашу? Встретимся ли мы когда-нибудь с ними?» Помимо всего этого Андрей также думал над планом побега.

В один прекрасный день врачи сообщили россиянину о посетителях.

— Посетители? Кто?

— Они представились вашими коллегами. Они сказали, что вы поймёте.

«Свидание! Значит, я был неправ. Только откуда они узнали, что я здесь? И разве они не должны сейчас готовиться к полёту?»

Андрей пришёл в комнату свиданий: американка, британка, австралийка, китаец и африканец сверлили его глазами полными ненависти.

— Здравствуйте! А что вы здесь делаете? Разве вы не должны сейчас готовиться?

— Готовиться? Ты издеваешься? — язвительно сказала британка.

— Всю нашу команду дисквалифицировали из-за тебя, — продолжили австралийка.

— Правда? Так это прекрасно! — неожиданно заявил Андрей.

После этих слов на россиянина обрушилась куча недовольства, оскорблений и ругани. Всё это он воспринимал с улыбкой, пока американка не сказала ему:

— Правильно говорят, что у вас в России все ненормальные. Езжай домой и пей водку с медведями!

Андрей был оскорблён до глубины души.

— Что скажешь в своё оправдание? — спросил африканец.

Андрей поведал всю длинную историю. Коллеги задумались. После этого россиянин спросил:

— Кто сказал вам о моём месторасположении?

— Руководство, — сказал китаец.

«Понятно, зачем руководство послало их ко мне. Они хотели, чтобы команда набросилась на меня, растерзала или даже убила, но не тут то было. Недальновидность начальства проекта обернётся против них же. Мне кажется, я близок к тому, чтобы переубедить команду».

— Расскажите об этом всем и попытайтесь что-то сделать. Может, люди проснутся. Я могу рассчитывать на вас? — сказал Андрей.

После недолгого молчания китаец сказал:

— Да!

— Ура! Значит, есть надежда!

Фате Катрина

Проход меж нами

От автора

Верите ли вы в вещие сны? Или в дежавю? А что если жизнь, которую мы проживаем – это всего лишь сон? И та жизнь, которая нам снится и есть истинная? Каждый хоть раз в жизни видел вещий сон или испытывал чувства подобные дежавю, но задумывались ли вы, что мы все друг с другом связаны разными нитями судьбы? Они настолько же разноцветны, как и наша жизнь.

Все, о чем дальше пойдет речь – лишь вымысел автора, то есть меня, вдохновленного своим сном, который мне приснился этой ночью. Этот рассказ не будет особо большим и смысла в нем, скорее всего, тоже особо не будет, это всего лишь сон, который я превращу в реальность!

Сходство с реальными людьми или событиями – всего лишь моя фантазия и ничего большего, но если вдруг, что-то из этого случится в реальности, то, пожалуйста – расскажите мне!

Мой рабочий объект, за которым я ухаживала, находился не далеко от оживленной станции метро. Утром, я успевала проехать до всех «людских» пробок, а заканчивался у меня рабочий день приблизительно в три часа дня, поэтому и в вечернем столпотворении я не участвовала. Мне безумно нравится моя работа, особых забот она не вызывает, единственное из минусов можно выделить в работе, так это постоянная беготня от одного объекта к другому, но за то во второй половине дня, ты свободен. Поэтому меня и устраивала работа, тем более возится с цветами я любила... Ах, да! забыла сказать – я работаю флористом. Это самая женственная работа! И вот, мой маршрут проходил по оживленной улице, на которой с утра уже было много народу, как-никак центр Москвы! Я себя в толпе чувствовала довольно не уютно, поэтому старалась прижаться к зданиям и идти в своем спокойном ритме, отдельно от всего неумного мира. Подходило время зимы и поэтому в семь утра – темно. Фонари освещают людской поток, а ты идешь и как бы существуешь отдельно от них, ты в этом случае являешься наблюдателем. Скажу это довольно приятное чувство. Ты – это ты, а остальные – лишь тени самих себя, помешанные на моде и правильном питании, о котором не может идти и речи, ведь все привозные «эко продукты» напичканы пестицидами. Вот в таких мыслях я проводила большую часть времени в дороге от объекта к объекту. И это утро обещало быть таким же, так и остальные, но явно «луна

была в курсе», как писали астрологи в утренней газете, что будет меня ожидать неожиданная встреча.

Людской поток медленно тек слева от меня, в то время как справа менялись здания, и неожиданно впереди погас фонарь, на несколько секунд, но именно этого хватило, чтобы понять, что впереди возник человек. Вы скажите, ну что тут такого? Ну, сделал человек шаг в сторону и оказался впереди, но вы не поняли главного: он именно *ВОЗНИК*! Из пространства, из пустоты возник человек! Как будто он просто вышел из двери невидимого дома, тем самым обнаружив себя! Именно в тот момент, когда вновь зажегся фонарь, я в него врезалась, так как он был на моем пути. По инерции от моего толчка он тоже чуть не упал, но вовремя успел облокотиться на стену.

-Извините! – по привычке выпалила я, но не переставала за ним наблюдать. Он медленно обернулся и встретился со мной взглядом своими янтарными глазами.

-С вами все в порядке? – с сочувствием поинтересовался незнакомец, но именно эта сказанная им фраза вдруг где-то отпечаталась в сердце, и то сделало глухой удар: «Дежавю!», моментально пронеслось в голове.

-Кажется,... нет... - протянула я на выдохе, не смея пошевелится и прервать этот момент.

-У вас что-то болит? Вы ушиблись? – его забота в голосе тоже была до удивления знакомой и родной, как будто я уже все это знала и переживала! Вообще, как только я начала работать в нашей обслуживающей компании, то довольно часто сталкивалась с подобным ощущение, но «это» было сильнее всех.

-Нет. Просто немного голова кружится... - он придерживал меня все это время за локоть, но я это не сразу заметила.

-Может вам врача надо?

-Нет, спасибо, давай те просто в сторону отойдем, мне надо несколько минут, что б в себя прийти. Только и всего. – завершила я его.

Он быстро огляделся, и все так же придерживая меня за руку, отвел в сторону от людского потока. Если быть точнее, то мне на самом деле было не очень-то хорошо, как можно быть в порядке, когда перед тобой явился путешественник во времени!? Вот и я о том же! Постояв несколько минут около стены и выпив почти всю бутылку воды, которую я носила с собой, то поняла, что состояние мое приходит в норму.

-Вам уже лучше? – с заботой в глазах поинтересовался он. Я утвердительно кивнула. – А то вам беременным волноваться вредно...

-Прости что?! – удивленно воскликнула я, и тут меня, почему то прорвало на смех, парень явно растерялся. – Прости, но я не беременна, я просто отвлеклась и врезалась в тебя, и больше ничего... - я замялась, все ли

это на самом деле. Я внимательно на него посмотрела и продолжила - ... тебя не было передо мной, словно ты возник из ниоткуда...

-Я шел все это время перед вами... - пролепетал он, и теперь у него было шоковое состояние. Выло видно, как он нахмурился и что-то обдумывает. Потом его взгляд прояснился и он, наконец, решился продолжить:

-Можно попросить ваш номер телефона? Вы были свидетелем всего произошедшего, и я хочу все проверить, и если это так, то я бы хотел с вами чуть позже связаться.

-Хорошо, - неожиданно для себя ответила утверждением и как обычно продиктовала номер. Он проводил меня до моей работы, и растворился в толпе. Неожиданность явно была предсказана лунной!

Мой день пролетел очень быстро, как будто я перемещалась во времени и переделав кучу работы, я не обратила внимания, как день мой рабочий закончился. Про происшествие утром я, почему то почти забыла и только уже на выходе, из здания, вновь во что-то врезалась, по инерции меня приобняли, чтоб я дальше не упала.

-Девушка, осторож... - оборвался уже знакомый голос на полуслове, когда я подняла голову на источник звука.

-Да что такое происходит!? – задала я риторический вопрос и аккуратно выбралась из объятий.

-Простите, но у меня к вам будет огромная просьба. – сразу с ходу начал этот утренний незнакомец.

-Какая? – почему то это меня не удивило, а в душе почувствовалась радость.

-Кажется, меня никто не видит... - прошептал он, но я все равно его прекрасно расслышала. У меня перехватило дыхание, как такое возможно? Он понял, что пауза затянулась, и потянул меня за руку в самый поток людей, которые все ещё шли куда-то, но было такое ощущение, что ни проходили не только мимо него, но и мимо меня. Приглядевшись к ним, я поняла, что это не совсем похоже на людей, скорее это были тени, которые просто куда-то направлялись. Они обходили нас стороной: не врезаясь и не задевая, какое-либо прикосновение к ним было ощутимо, но они не реагировали.

-Что происходит? – спросила я, хотя уже, наверное, поняла, что ответ лежит в утреннем инциденте. Столкнувшись с путешественником во времени, можно оказаться вне времени и пространства. Это была только теория, но она явно была действующей.

-Мой дом ещё не существует в этом пространстве, мобильные не действуют, мы словно в другом измерении...

-Тогда пойдем с потоком, в то место где должно быть метро, если это другое измерение, то оно все равно как-то работает, ведь они откуда-то и куда-то же идут?! Давай тогда ко мне, ведь мой дом уже давно стоит в том месте, так что он должен существовать. – почему то не было страха, в голове было все на своих местах, ясность ума поразила даже меня саму. Как мы оказались у меня дома – я плохо помню, но явно путь был таким же, как и всегда. Уже дома я проверила все приборы – они работали, кроме телефона, они издавал какие-то звуки, но это явно были не гудки.

Как-то на улице стемнело, особо мы не разговаривали, но и не молчали, это было, словно время убыстрялось и замедлялось, как при перемотке фильма: скучные диалоги проматывались, хотя ты их все проговаривала.

На нем был просторный свитер, и спортивные штаны, русые волосы были растрепаны после шапки, так как он даже не подумал их как-то привести в порядок. Зайдя в мою комнату, он уставился на мою кровать, а потом произнес:

-Мне кажется, что это уже все было... - он прилег на правый край кровати и закинул руки за голову. – несомненно, это мое место.

-Вообще-то это моя кровать. – возмутилась я, ибо не желала что б кто-то ее мям, так какправляю утром ее я.

-А твое место было тут. – он похлопал рукой по левой части кровати, и пока я удивленно смотрела на происходящее, он схватил меня в охапку и повалил на ту самую часть кровати. Его объятия были теплыми и родными, от тела исходил сладковатый запах, который будоражил сознание, и время явно никуда не спешило. Заставляя насладиться этими минутами, часами, днями... сколько времени прошло с того момента? Но нас это не волновало. Он приподнялся надо мной, оказавшись лицом к лицу. Пара сантиметров разделяла нас от соприкосновения губами, чувствовалось его горячее дыхание и больше ничего не хотелось, кроме одного. Одновременно двинувшись навстречу друг другу, наши губы соприкоснулись, и тут по телу полилось тепло, которое волнами проходило от кончиков волос, до пальцев ног. Больше ничего не надо было, только этот момент и мы им жили вечно! ...

Я открыла глаза.

Это моя кровать. Кроме меня тут никого нет. Время до звонка будильника: полтора часа, а тело все дрожит, как будто провела всю ночь в

бурной любовной деятельности. Машинально дотрагиваюсь рукой до губ и кажется, что поцелуй только закончился и остался отпечаток.

-Как жаль, что все это только сон... - подумали они оба где-то в разных местах, вновь засыпая в своих постелях в одиночестве и смотря на часы, которые показывают четыре часа тридцать две минуты утра...

Стрелиция

Капли звёзд

Звездопад. В последнее время это невероятно волшебное и до удивительного простое явление превратили в нечто настолько обыденное и в тоже время непостижимое, что сущность его во всей полноте понимают только учёные. По крайней мере, думают, что понимают. Ведь никто, кроме детей с их непосредственностью и неподдатливой фантазией не может узнать настоящую судьбу падающей звезды.

Вот маленький ребёнок сидит у окна, любуясь раскинувшимся до самого горизонта ночным чёрным полотном, по которому брызнули и серебряными каплями. И он глядит: с неба срывается сияющая, словно самоцвет звезда и скрывается во мраке. Старший брат его на восторженный смех мальчика лишь сухо роняет: «Глупенький ещё. Во всем сказку видит». Не помнит он уже, как сам, будучи ребёнком, всмотревшись в темноту, узнавал чудесную историю небесной слезы.

А чернота не поглощает её, как могло показаться на первый взгляд. Звезда, прорывая мрак своим чистейшим нежным светом, в конце концов, попадает в сияющее озеро, окаймленное водопадами всех цветов радуги. Но некоторые оказываются в чашечках, созданных хрупкими ручками маленьких существ.

Они живут в том укромном уголке мира, где повсюду блистает туман цвета серебра, а с гор нескончаемым потоком обрушиваются драгоценные капли. Трудно представить место прекраснее.

Астер, маленькая жительница туманного городка, была рада и одновременно несчастна, находясь там.

Каждое утро её будят лучи солнца. Каждое утро она осматривает свою комнату прежде чем встать с кровати, словно, надеясь, что в обстановке вдруг что-то изменится. Но все было как всегда. Стены фиолетового льда приятно светятся, у кровати стоит цветок космической красоты, сиреневым и нежно-розовым слиянием цветов напоминая об удивительном своём происхождении. В углу находится резной шкаф, с другой стороны — сундучок, хранящий единственное вещественное напоминание о подругах девочки. Но Астер никогда его не открывала, боясь выпустить воспоминания.

Убедившись, что все на месте, девочка выходит из своего домика и как всегда оглядывается на аметистовый водопад, под покровом которого живет. По пушистым серебряным облачкам она поднимается к истоку насыщенного сине-зеленого потока и с удивлением, словно, видит впервые, любуется восходом. Один оттенок нежно перетекает в другой, потом стремительно

захватывает третий, образуя фейерверк неземных, потрясающих воображение цветов.

— Привет. Ты снова тут, — вдруг раздается голос. Близкий и одновременно непостижимо далекий, звучащий будто эхо.

— Привет. Я снова тут, — как всегда отвечает Астер.

Её голос похож на звонкую капельку утренней росы, дрожащую перед грозным солнцем, которое вскоре уничтожит её безвозвратно.

— Тебе никогда не надоест на это смотреть? — вновь подает голос Ветер.

— Нет. Это невероятно красиво, — зазвучал нежный её голосок.

— Знаешь, — после паузы продолжил собеседник, — в Большом мире ведь нет таких восходов. Может не стоит так расстраиваться оттого, что ты до сих пор не обрела крылья? Когда-нибудь этот день настанет. А пока ты можешь каждый день любоваться такой красотой.

Все подружки Астер уже давно улетели. Она осталась одна. В заточении водопадов.

— Я знаю. Но грустно думать, что я единственная все еще здесь.

Крошка погрузилась в мечтания о Большом мире. Как бы она исполняла желания! Она бы делала это лучше всех! Она бы старалась. Но обретет ли она вообще когда-нибудь крылья?

— Как там мои подружки? — спросила Астер. Ветер был единственным ее вестником.

— С ними все в порядке. Они прекрасно справляются со своей работой. Нелла уже освоилась и научилась разбираться в мечтах. Только добрые желания исполняет. Передавала, что скучает по тебе и просила не грустить.

Астер тоже соскучилась по подругам. Часто ей приходила эгоистичная мысль, что лучше бы они не улетали, но девочка тут же начинала ругать себя за такое. Нелла, Авелина, Грейс — они все исполняют свой долг, исполняют мечты, и Астер не должна желать им зла только из-за того, что ей не повезло.

— Спасибо, что рассказываешь мне об их жизни, — подала голос Астер.

— Мне не трудно. Всегда приятно с кем-то пообщаться.

В ответ Астер робко улыбнулась.

Неожиданно восход потухает, и в душе девочки словно что-то обрывается. Так всегда, каждое утро.

Чтобы отвлечься от печальных мыслей, Астер достает из маленькой сумочки цветные карандаши и измятый альбом, хранящий в себе прекрасные образы. Девочка переворачивает страницы где-то до середины. Нежно-желтые тона плавно перетекают в ярко-оранжевые, кое-где сквозит клочок голубого цвета. Слияние оттенков создает невообразимой красоты изображение водопада. Ни одной острой линии, все изящно и грациозно. От листочка словно исходит живящая свежесть.

— Я уже говорил, что ты лучшая художница, какую я только встречал? Не отрывая глаз от рисунка, Астер усмехается.

— Да. Уже, наверное, раз сто. А я в сотый раз отвечу: я не художница, я — девочка, которая рисует.

Если бы Астер могла увидеть Ветер, она, вероятно, различила бы довольную улыбку на призрачном лице.

— Что хочешь нарисовать сегодня? — эхом полетел по долине голос.

Девочка огляделась. У нее невероятно много рисунков, и альбом в ее руках — не единственный. Водопады, туман, подруги, закаты, восходы, другие жители затерянного городка — все образы повторяются по многу раз. Среди серебряной мглы, воды цвета радуги и даже на скале, с которой беззвучно обрушиваются бесконечные потоки воды, не было ни одного нового образа. А вот в Большом мире...

Ветер часто рассказывал о том, какой он — Большой мир и по просьбе Астер останавливался на деталях. Так много красоты представало перед воображением девочки, и она даже не представляла, как из всего этого можно выбрать, что нарисовать первым. Но коснется ли она кисти, когда окажется в Большом мире (если окажется вообще)? Останутся ли у нее рисунки как единственные воспоминания о местах, где она побывала?

— Совсем ничего нового, — голос Астер прозвучал как-то непривычно рассерженно, словно гром, но уже далекий и кроткий.

Ветер зашумел. Так всегда бывало, когда он о чем-то задумывался.

— Как тебе портрет Солнца на небесной реке? Я, кстати, иногда общаюсь со светилом. Оно говорит, что в восторге от твоих рисунков.

— Что же, тогда, думаю, мне стоит нарисовать еще один его портрет, — вновь застенчиво улыбнулась Астер и нанесла на девственно-белый листочек первый штрих, постепенно оживляя бумагу свежими и яркими красками.

— Ты снова создаешь шедевр, — прошумел Ветер. — Оставишь его себе?

Астер задумалась. рисунок получился действительно прекрасным. Даже создательница невольно залюбовалась ласковыми лучиками на фоне глубоко голубого неба.

— Не мог бы ты отнести его Авелине? — девушка аккуратно вырвала листок и подняла его над головой.

— С радостью.

И портрет светила унесся вместе с Ветром.

Астер прислушалась: точно ли ее приятель улетел. Кажется, да. Девушка вскочила и ринулась по дуге, на бегу отряхивая нежные ладони от мелких камушков. Внутри продолжал нарастать страх: вдруг Ветер все еще следит за ней? Но она уже почти на месте.

На мгновение задохнувшись в плотной белой пелене, девушка вырывается из туманной ловушки и оказывается на остром уступе. Она тут же подбегает к гибкому деревцу и хватается за него. Тут с ней еще ничего не может случиться, и все же каждый раз в сердце нарастает беспокойство. И восторг.

С силой оттолкнувшись от ствола, Астер рванула в сторону пропасти. «А вдруг не получится? вдруг что-то пойдет не так?» — пронеслось в голове. Но она уже парила над бездной.

Мощные потоки воздуха удерживали невесомое её тело.

Про это место знали немногие, а те, кто знали — молчали. Однажды Фанни — легкомысленная жительница городка разболтала подругам о своих полетах. С ней после этого никто не общался, а за спиной называли сумасшедшей.

— Что ты делаешь?! — взвыл Ветер, заметив Астер над пропастью. — Ты с ума сошла?! А если воздух не выдержит тебя?!

«Тебя называют сумасшедшей, когда ты делаешь то, на что другим не хватило бы смелости, » — подумала девочка, но пообещала прекратить свои полеты.

И все же вскоре не выдержала и снова направилась к обрыву.

Астер проводила здесь по несколько часов, пока Солнце не погружалось в глубину небесного озера. Когда на куполе затеплится первая осторожная звездная росинка, девушка отправлялась обратно в туманную долину.

Она всегда убегала с уступа как можно скорее, но в этот раз ее словно что-то остановило. Астер схватила за ствол деревца, которое в сумерках уже начинало светиться мягким зелено-голубым цветом, и круто развернулась. На небе уже сияли несколько звезд, но среди них девушка видела лишь одну — самую первую. Казалось, она была какой-то иной и блистала только для Астер.

— Глупости какие, — девочка расстроено покачала головой и ушла в густую мглу.

На туманных облачках уже собралось много жителей. Астер быстрым взглядом окидывает серебряное пространство и устремляется к плотному острову мглы. Из сумочки она достает крохотную хрупкую чашечку. У всех девушек они одинаковые — жемчужно-белые с изящными ручками в виде крылышек. У юношей такие же по форме, но темно-синего цвета, почти черного.

Каждый житель должен сделать свою чашечку сам. У кого-то получается с первого раза, кто-то трудится долгое время. Считается, что чем дольше изготавливается сосуд, тем позднее создатель обретет крылья. Астер в этом не сомневалась.

Поставив крылатую чашечку рядом с собой, девушка садится на облачко, прижимая колени к груди. Теперь остается только сидеть и ждать.

Время от времени с разных сторон доносятся радостные возгласы. Жители городка встают, восторженно хлопают в ладоши, указывая на небосвод. Потом — всплеск. Значит, звезду никто не поймал, и вскоре из воды помогут вылезти новой соседке или соседу. Но иногда счастливые возгласы обрывает тонкий, нежный звон, который словно проникает во все, что встречает на пути. Значит, сегодня кто-то обретет крылья.

И так каждую ночь.

Астер уже давно не откликается на всеобщее возбуждение при виде падающей звезды. Она лишь поднимает голову и, оглядев полотно ночного неба, снова убеждается, что сегодня чуда не случится. И завтра не случится. Кажется, не случится никогда.

— Надежда всегда умирает последней, — часто говорил Ветер.

Астер в ответ кивала, хотя для нее надежда уже давно умерла.

Вот снова слышался шепот с соседних облаков тумана, постепенно перерастающий в гул десятков голосов. Но в этот раз к нему примешивалось что-то еще...

Тихий-тихий звон. Хотя, нет. Это скорее похоже на голос. Словно кто-то одаренный выводит чистую, светлую мелодию.

Астер поднимает взгляд и в тот же миг вскакивает, ловко подхватывая чашечку и поднимая ее над головой. Прямо к девушке несется, ярко сияя и переливаясь невиданными цветами, удивительной красоты звезда.

«Я должна ее поймать! — думает Астер. — Она же для меня!.. Точно ли для меня? Вдруг мне вообще не суждено обрести крылья, и я навсегда останусь здесь? Но, она же летит прямо ко мне! Или все-таки нет?..»

Так ведь уже когда-то было. Астер стояла на краю облачка, подняв руки с чашкой, и с невероятной надеждой смотрела на падающую звезду. И вот, казалось бы, сейчас все должно закончиться. Всё это время она ждала не зря, и теперь ее терпение будет вознаграждено. Но судьба распорядилась иначе.

Звезда, словно с насмешкой, слегка коснулась краешка сосуда и упала в воду, и Астер, не удержав равновесие, последовала за ней. Девушку достали из озера, принялись ворковать успокаивающими голосами. Но Астер их не слышала. В тот момент ничто не могло унять ее горя. Такой обманутой и опустошенной она себя никогда не чувствовала.

«И что, если теперь все снова повторится?»

В чашке блеснуло отражение потрясающей воображение звездой капли.

Счастливая Тина

С самого начала

Кейтлин ненавидит себя так сильно, как это вообще возможно. Она мечется в поисках своего места, что все никак не находится. Девушка начинает все с самого начала, но тяжесть прошлых ошибок, что она взвалила на себя, ее никак не отпускают. Она шепчет Энн в ночи, чтобы та отпустила прошлое и жила своим настоящим. Но никак не может применить собственный совет в отношении себя, продолжая метаться. Это как идти ночью в темной комнате в поисках света, зная, что его нигде нет.

Она упряма до безобразия, и это качество, так раньше ценимое ею, раздражает ее. Кейтлин с тихой усмешкой вспоминает признания Уильяма на кухне с холодными полами и всегда заваренным горячим чаем. Брюнетка кусает себя за потрескавшиеся губы и слизывает выступившую кровь языком. Эти мысли для нее табу, она ведь так хотела начать с самого начала. Правильно. А в итоге ошибается раз за разом.

Девушка вытаскивает свой телефон, смотрит на время, а потом пишет сообщение Фло о том, что она опоздает на первую пару. После этого Кейтлин ставит мобильник на беззвучный режим и разворачивается в противоположную сторону от университета. До пары еще двадцать минут, и она спокойно успевает, но Холидей не хочет идти туда. Вместо этого ее раздражает дикое желание съездить на вокзал и купить билет в один конец. До ее города около четырнадцати часов езды и несколько тысяч миль. И это совсем не учитываются мили между ее молчанием и чужой истерикой, случившейся за день до ее отъезда. И без учета брошенной в момент злости и бессильной ярости фразы *«катись к чертям, и никогда больше не возвращайся»*.

Кейтлин — девочка умненькая, о чем родители с самого детства говорили с гордостью. Кейтлин — девочка, понимающая и уважающая личное пространство каждого, о чем ее лучший друг всегда говорил с восхищением. Кейтлин — девочка глупая и бестолковая, так ей всегда повторяла старшая сестра, покачивая головой. Кейтлин знает только одно. Она умеет сочетать в себе не сочетаемое, и когда-то даже гордилась этим.

Брюнетка откидывает перчатки на дно своей сумки за ненужностью и покупает в ближайшем Старбаксе горячее ванильное капучино. На ее стаканчике написано красивым почерком *«девушке с грустными глазами»*, который ей подает улыбающийся парнишка. Кейтлин хотела бы ответить ему, что ей понравилась его улыбка, которая озаряет все вокруг подобно солнцу. Но она только забирает свой напиток, сухо благодарит и на его окрик

«приходите еще» дергается, спеша покинуть это кафе. Кейтлин обещает себе, что никогда больше не появится в этой части города.

Она собирается выйти на крышу одного из жилых домов, примеченных ею совсем недавно. Девушка знает, что оттуда видны самые красивые закаты в ее жизни. По крайней мере, она точно не помнит, были ли в ее жизни такие же закаты. Кейтлин помнит о встреченных рассветах в старой квартирке с лиловыми обоями в гостиной и растянутых рукавах свитера на ней. Помнит о теплом дыхании в области ее затылка, вызывающим мурашки по всему ее телу, и о крепких руках на ее талии, что держали осторожно.

Кейтлин проскальзывает в дверь следом за зашедшим жильцом дома и посылнее натягивает на себя капюшон, пряча свое лицо. Она не хочет привлекать к себе внимание, хотя всю свою жизнь втайне от себя даже искала его. В ее наушниках играет любимая музыка на иностранном языке, и где-то на задворках сознания мелькает мысль о глупой и давно позабытой мечте. Кейтлин всегда хотела путешествовать. Побывать в тех странах, о которых мечтала, будучи еще глупой и маленькой девочкой. И ее мечты слушали, поддерживали ее восторг и давали обещания, что однажды эти мечты станут явью.

Девушка поднимается на лифте на последний этаж, выходит на нем и идет к незапертой двери, что ведет на крышу. Там всегда пустынно, даже по вечерам, а что говорить о раннем утре. Но Кейтлин каждый раз опасается, что ее уединенное место может быть нарушено кем-то. Она не уверена, что может назвать это место своим. Но здесь хотя бы можно успокоиться на какое-то время.

Она садится на кирпичный выступ, кладя свою сумку рядом с собой, и болтает ногами, глядя в облака. Кейтлин никогда не смотрит вниз на людей, ее взгляд всегда тянется ввысь. Девушка хочет туда, к облакам, и желательно навсегда. Кейтлин ждет своего совершеннолетия, как какого-то чуда, повторяя свои слова, как мантру, что если она дотянет до двадцати одного, то все изменится к лучшему. Она понимает, что ей до банального просто надо во что-то верить. В себя она больше не верит.

Кейтлин плохо помнит, как сползла с выступа и заснула на крыше, но так это и произошло. Она вытаскивает свой телефон из сумки и смотрит на время, понимая, что опоздала и на оставшиеся пары. Брюнетка не чувствует никаких угрызений совести. Ей думается, что за почти пятнадцать лет своей сумасшедшей учебы имеет право на один выходной по собственному желанию.

Она прикрывает глаза рукой от слепящего солнца и помимо воли вспоминает улыбающегося баристу из кафе. Кейтлин почувствовала исходящее от того тепло и на мгновение ей даже захотелось поддаться этому чувству. Вот только она знает, чем чреваты такие желания для окружающих ее

людей. Кейтлин не умеет приносить счастье, она только все рушит и разрушает, не прикладывая даже для этого особых усилий.

В ушах звучит чужой надрывный голос, и яростное *«катись к черту»* ставится на повтор вновь. Кейтлин знает, что этим только добивает себя. Но это как ежедневное напоминание о сделанных ошибках, совсем, как натянутые до фаланг пальцев кофты и свитера, скрывающие ее запястья. Кейтлин чувствует себя жалкой и глубоко несчастной девчонкой, но продолжает винить в этом только себя. Она сама хотела начать заново. С самого начала. Правильно. Но продолжает отчаянно цепляться за прошлое, что тянет ее на самое дно.

Вина захлестывает ее так сильно, как это вообще возможно. Она обвиняет себя во всех чужих несчастьях и ненавидит себя. На днях даже зеркало в ванной разбила, а после сидела в окружении осколков и смеялась. У нее на быстром доступе стоит номер, с которым она не общалась почти месяц. Кейтлин помнит чужой виноватый взгляд и тихое *«извини, ты ведь понимаешь, это ненадолго»*. Она извиняет и понимает, но не верит, что ненадолго. Ей только хочется иногда позвонить и тихо поинтересоваться у человека на том конце провода, зачем он ее забрал с собой, если все равно оставил одну.

Кейтлин с усмешкой вспоминает их глупые детские клятвы о том, что никакие отношения не могут быть важнее их дружбы. Она пыталась разделить части себя, чтобы никому не было обидно. Ее просто оставили позади, словно наплевав на великую дружбу, что прошла через многое, и которой завидовали окружающие их люди. Но Кейтлин, на самом деле, понимает абсолютно все. И только поэтому даже сообщения не оставляет на автоответчике и первой отписывается в социальных сетях.

Она лениво следит за плавно плывущими по небу облаками и размышляет о том, что все это правильно. Кейтлин ведь хотела с самого начала, вот жизнь у нее и забирает абсолютно все. Ей иногда хочется и себя всю отдать, попросив взамен другую версию себя. Не настолько измученную и сдавшуюся, без постоянной грусти в глазах и непонятно откуда взявшейся мудрости в словах, когда дело касается других.

Девушка слышит вибрацию своего телефона и подносит его на уровень своих глаз. Она лениво просматривает пришедшее сообщение, слегка улыбается и шлет ответ. Фло пишет, что после пар забежит в кондитерскую и купит ее любимых сладостей, вот только с нее тогда кофе. Кейтлин поднимается со своего места, отряхивается и подхватывает сумку, чтобы спуститься обратно. Пара заканчивается через двадцать минут, до ее дома около тридцати минут пешком или пятнадцати минут на автобусе.

Она скидывает капюшон, стоит ей только зайти в тот же самый Старбакс. Кейтлин заказывает один кофе и одно ванильное капучино. Фло обожает пить

горький кофе, хотя сама похожа на сладкую вату, что так обожают дети в парке аттракционов. Такая же невесомая и сладкая, мягкая и нежная. Кейтлин знает, что Фло – это точно часть ее чего-то нового, чего-то, что она начинает с самого начала. Таких, как Фло, она еще не встречала. А потому Кейтлин цепляется за нее, как утопающий за спасительный круг, но открыться ей боится.

Кейтлин дожидается своей очереди и забирает свой заказ из рук того же самого паренька с солнечной улыбкой. Она смотрит на свой стакан с интересом, отмечая там новую надпись *«девушке с грустными глазами и яркими волосами»*. Брюнетка улыбается, читая эту надпись, а после смотрит на свои выкрашенные в красный цвет кончики волос.

Бариста смущенно улыбается в ответ и потирает свою шею. Он с надеждой произносит *«приходите сюда еще»*, на что Кейтлин хмыкает и краем глаза замечает на его форме нашивку с именем Джин. Она обещает себе, что это точно последний ее поход в этот Старбакс. Девушка тихо произносит вслух его имя и прислушивается к себе. Это что-то новое и непривычное, и где-то внутри отмечается, что оно созвучно с непонятной ею правильностью.

В кармане толстовки раздается вибрация от пришедшего сообщения, и Кейтлин ускоряется. Фло совсем скоро будет ждать ее около, а Кейтлин не хочет злоупотреблять ее терпением и всепрощением. Тем более что Фло та еще мерзлячка, и на улице тепло только по меркам Кейтлин.

Кейтлин никогда не оправдывает себя тем, что у нее не было выбора. Она стойко уверена в том, что выбор есть всегда. Просто мы не всегда прикладываем достаточно для того усилий, сдаемся на полпути. Кейтлин говорит про себя, что всегда недостаточно прикладывает усилия во всем, даже когда на тесте единственная из всего потока набирает девяносто восемь из возможных ста баллов, пока остальные едва дотягивают до семидесяти.

Она держит в руках фотокарточку, прожигая взглядом счастливые лица на ней. Рядом с ней стоит стакан с полюбившемся карамельным латте, и лежит темно-синяя зажигалка, нагло стащенная после лекции о вреде курения. Кейтлин что-то бормочет о недостаточных усилиях и потраченных впустую минутах, пока Фло хлопочет на кухне, готовя ужин. Она начинает понимать, что больше не хочет начинать все с самого начала в очередной раз.

Полюбить себя

Кейтлин улыбается, поднося к своим запястьям ножницы. Она смотрит прямо в чужие глаза и упивается тем испугом, что виднеется в них. А после она откидывает ножницы в сторону и смеется. Надрывно так, словно в любой момент может расплакаться. Кейтлин спрашивает *«ты же не думаешь, что я и, правда, себя могу убить?»*. Фло качает головой и тоже пытается улыбнуться. Она делает вид, что не замечает, как Кейтлин натягивает рукава свитера до середины фаланг или как иногда рассматривает свое запястье, а после ведет кончиками пальцев по какой-то линии. Фло ничего не отвечает, только идет на кухню к Энн, чтобы помочь с ужином.

Холидей провожает ее взглядом, а после откидывается на постель. Ножницы лежат совсем рядом, и девушка тянется к ним, чтобы убрать в тумбочку рядом с кроватью. Она вроде как болеющая, и к ней пришли ее подруги, чтобы поддержать. У Кейтлин, на самом деле, температура под тридцать девять, но она сбивает ее и показывает сомневающейся Фло градусник с нелепыми тридцать семь и два. Кейтлин едва сдерживает желание свернуться калачиком и начать скулить о том, как ей больно.

Ее телефон молчит второй месяц, а самый необходимый контакт начал падать в списке важных. Кейтлин не понимает, когда ее жизнь начала скатываться в полный ад. У нее непрочитанные сообщения от сестры, просто из-за того, что Кейтлин не хочет ей врать, но и сказать, что все хорошо, язык не поворачивается. Ей думается, что она вновь может попасть в больницу. Где-то на задворках сознания мелькает мысль о том, как ей хочется заснуть и не проснуться.

Но, к ее сожалению, она просыпается. В нее впихивает таблетки Энн и шипит, как рассерженная кошка, предупреждая, чтобы больше не смела пугать Фло. Бенсон защищает младшую, потому что Фло переполнена светом, а еще она бесконечно яркая и теплая. Кейтлин кривит губы в усмешке и с непонятно на кого выраженной обидой думает о том, что тоже когда-то такой была. Она впервые задумывается о том, что ее тоже ведь кто-то поломал.

- Любовь всего лишь фальшь, - неожиданно проговаривает Кейтлин, после чего притворяется вновь спящей.

Через несколько дней ей становится легче. Брюнетка натягивает на себя свою старую толстовку с капюшоном. На ней написано большими буквами «люби себя». Кейтлин вспоминает, как сильно хотела научиться любить себя. Но вместо этого каждый раз все больше проникалась ненавистью. Она натягивает капюшон сильнее и не поднимает своего взгляда. Боится, что испугает прохожих своим пустым взглядом.

Она идет по знакомому маршруту к крыше с самыми красивыми закатами. Но останавливается около Старбакса и задумывается на несколько долгих секунд. Кейтлин приходит в себя только в тот момент, когда стоит

перед кассой. Брюнетка по привычке заказывает свое капучино, глядя на девушку баристу перед собой. Кейтлин пытается не поддаваться тому отчаянию, что ее начинает заполнять. Она пытается убедить себя, что не искала никого в этом кафе.

Ее не видно в углу кофейни, а потому она спокойно расслабляется. Достает телефон и несколько раз набирает сообщение. Но позже стирает, не в силах нажать на отправить. Ей кажется, что она желает чего-то непонятного и недозволенного. Кейтлин боится признаться в себе, что хочет того же, что и все остальные люди. Ей немного смешно от того, какие горячие у нее пальцы, хотя еще год назад она куталась в шарфы и не снимала перчатки даже в помещении.

- Люби себя? – чужой голос раздается совершенно неожиданно и заставляет вздрогнуть. – Мне нравится.

Кейтлин таращится на парня, стоящего около нее со стаканчиком кофе. Она замечает, что он одет в обычные джинсы и светлую рубашку, а волосы его взъерошены. Кейтлин не привычно видеть его в таком виде. Парень присаживается за ее столик, даже не спрашивая разрешения, и улыбается. Так ярко, что ей хочется попросить его перестать. Так солнечно, что ей хочется попросить его одолжить своего тепла взаймы.

- У меня сегодня выходной, но я все равно пришел, - отвечают ей на незаданный вопрос. – В надежде, что встречу тебя, девушку с грустными глазами.

Она даже не знает, как отреагировать на подобное. Ее взгляд прикован к его лицу, но чаще всего он останавливается на его губах. Кейтлин тянется к нему всем своим существом. Она жаждет его получить, но ей так страшно. Холидей помнит, что не приносит ничего, кроме разочарования и боли. Ей боязно, что она может стать причиной гибели его солнечной улыбки.

- Что мне сделать, чтобы ты перестала грустить? – его обеспокоенный и заинтересованный голос ломает и возрождает ее.

- Улыбайся чаще, - Кейтлин не узнает свой голос, что звучит хрипло из-за долгого молчания. – Пожалуйста, - добавляет она.

- Я сохраню ее для тебя, - ей хочется верить в его обещание. – Если моя улыбка спасет тебя от грусти, то я буду улыбаться.

Он тянется к ней через стол и накрывает ее ладонь сверху. Кейтлин вспоминает, что встречала до этого людей, похожих на море и небо, но никогда еще не видела настоящее солнце. Она не может вспомнить, было ли ей когда-то так же тепло, как сейчас. Кейтлин тихо, едва слышно, произносит «Джин» и осознает, как правильно и необходимо звучит чужое имя из ее уст. Ответом ей служит солнечная и теплая улыбка, в которую хочется завернуться, как в одеяло.

Даже если ты не любишь себя, то я все равно люблю тебя.

Улыбка

У нее во внутреннем кармане куртки запрятана фотография, с которой она почти не расстается. Ей иногда кажется, что она все еще держится, только благодаря этому снимку. Кейтлин будто оттаивает и начинает заново учиться жить. Ее улыбки, те, что настоящие, слегка неловкие и едва заметные. Девушка постоянно держит руки у рта, прикрывая его при смехе или улыбке. Словно она боится, что кто-то может заметить нечто настоящее в ней. Кейтлин все еще разбитая и израненная, но ей становится немного легче.

На ее телефон приходит сообщение от знакомого абонента. Но она только переворачивает его экраном вниз и принимает из чужих рук латте. Ей непривычен вкус, но Кейтлин знает, что она привыкнет, потому что в напиток уже влюбляется. Когда-то она думала, что ни за что не променяет капучино на что-то другое. Но она совсем не умеет противиться солнечной улыбке и отказывается от своего напитка. Кейтлин даже не вспоминает, что пила этот напиток с другими людьми. Людьми, что были самыми важными в ее жизни. Она впервые не чувствует, что предает их. В конце концов, это они отказались от нее.

Она смеется, прикрывая ладонью свой рот, словно боится чего-то. Ее движения слегка зажатые и неуверенные, но это только из-за того, что она учится. Кейтлин все еще опасается, что может что-то сломать или разбить. Но когда на ее плечи бережно накидывают чужую куртку и притягивают к себе в объятья, в попытке согреть, она понимает нечто другое. Ее переполняет благодарность за такие аккуратные и нежные действия. Кейтлин не может припомнить, обращался ли с ней кто-нибудь также. Боялся ли хоть кто-нибудь, что неосторожные слова или действия могут ранить ее.

Кейтлин пытается жить без сожалений, не позволяя самой себе затуманить рассудок. Она боится много думать или анализировать, ведь ни к чему хорошему это не приводит. Девушка честно признается едва различимым шепотом, что боится. Ее обнимают чуть крепче и шепчут на ухо о том, что это нормально. Кейтлин запрокидывает голову вверх и смотрит на парня своими большими глазами.

- Иногда я боюсь, что если закрою глаза, то ты исчезнешь, - признается она в своем самом большом страхе.

- Я никогда не исчезну, девочка с грустными глазами, - она чувствует себя до безобразия уютно в его объятьях. – Ты ведь будешь скучать по моей улыбке.

Он смеется, и смех у него такой приятный до мурашек. Кейтлин смотрит на него, как на какое-то сокровище. Она не понимает, почему он так беспокоится о ней и заботится, никогда не отказывает во встречах. Кейтлин чувствует его слепую отдачу, ощущает исходящую от него волнами нежность и

купается в этих чувствах. Рядом с ним она с легкостью может представить свое будущее.

Джин не спрашивает ее ни о чем. Не интересуется ее прошлым, не расспрашивает о причинах переезда, не задает вопросы о пропущенных звонках и непрочитанных сообщениях. Джин просто принимает ее такой, какая она есть. И Кейтлин ценит это. Она цепляется за него и пытается отдать ему взамен все, что у нее имеется. Ей впервые не страшно отдать всю себя без остатка, только если ему это нужно.

- Почему ты возишься со мной? – спрашивает она, прижимаясь спиной к чужой груди в ожидании заката. – Я ведь разбитая и сломленная. Со мной слишком много мороки.

- Ты прекрасна даже такой, - горячо убеждают ее, касаясь обветренными губами черноволосой макушки. – В тебе есть свет, которого я никогда и ни в ком не видел. И я верю, что твои грустные глаза когда-то умели смеяться. Я хочу сделать тебя счастливой.

У Кейтлин по щекам срываются несколько хрустальных капель. Она не помнит, чтобы ей кто-то подобное говорил. Каждый из тех прошлых людей пытались подчинить или переделать ее. Каждый требовал отдачи и взаимности, но никто не задумывался о том, каково ей было. Кейтлин распирает от всевозможных чувств, но превалирующим является благодарность. Джин невероятно теплый и важный человек. Кейтлин не понимает, за что заслужила его. Такие люди, как Джин, почти не встречаются.

У Кейтлин израненные ладони, по которым струится кровь, и нервный смех. У нее слезы по щекам не прекращают литься, и она вытирает их пальцами. Слезы мешаются с кровью и создают поистине ужасающую картину. Кейтлин не чувствует боли из-за порезов. Она смотрит на осколки разбитого зеркала и как-то отстранено замечает о том, что зеркалу в ванной комнате достается постоянно.

Телефон все еще по несколько раз за день разрывается от звонков и сообщений, но девушка продолжает их игнорировать. Ей кажется, что она разваливается на части без шанса на восстановления. Кейтлин пытается понять, почему ей не было больно так в прошлые разы. Откуда она черпала силы, раньше, ведь в данный момент Кейтлин даже подняться не может.

Девушка протягивает руку к лежащему рядом фотоснимку и смотрит на него. Из-за слез почти ничего не видно, но она помнит этот снимок. Счастливые и беззаботные лица на этой фотографии въелись ей в память. Это было ее своеобразным ритуалом – доставать фотографию из кармана и смотреть на нее какое-то время. Раньше ее наполняло счастье от этого, а сейчас остается только чувство опустошенности и горечи.

Ее накрывает злость, и она откидывает снимок дальше от себя. Но через несколько секунд Кейтлин накрывает истерика. Девушка тянется к фотографии, не обращая внимания на битое стекло рядом и не чувствуя, как по рукам вновь струится кровь из-за осколков. Кейтлин прижимает окровавленными пальцами фотографию к груди, как самое ценное, что у нее имеется. Ее плач больше похож на скулеж.

Не имеет значения, как далеко мы будем друг от друга,
мое сердце навсегда с тобой.

Закрытые глаза

Кейтлин закрывает глаза, и перед ее взором пролетают картинки будущего. Она путешествует по этим сценам и ищет своих близких. Кейтлин хочет посмотреть на них еще раз.

Она видит, как на другом краю этого города раздается дверной звонок. Тот, кто звонит в пять утра, довольно настойчив, а потому хозяйке квартиры не остается ничего другого, как подняться со своей кровати и пойти открывать дверь. Девушка заворачивается в одеяло полностью, и только ее светлая макушка и большие глаза виднеются. Она открывает дверь и замирает на пороге, глядя на раннего гостя с неверием в глазах. У парня в дверях на шее замотан шарф, куртка расстегнута, а кроссовки надеты на босые ноги. Он выглядит потрепанным и взъерошенным, а еще так, словно, осознал нечто важное. Парень неловко улыбается, пытается пригласить свои каштановые вихри и что-то смущенно бормочет под нос. А потом на что-то решается и резко тянет девушку в свои объятия, прижимаясь холодным носом к ее макушке. Девушка замирает на какой-то невероятно долгий миг, а после накрывает их обоих одеялом и прижимается крепче.

Кейтлин выдыхает легче и оставляет Энн и Ника в квартирке на верхнем этаже с зелеными стенами. Она думает, что теперь у этих двоих все наконец-то станет проще, а потому следует дальше. Ее заносит в другой город, в котором она не была так давно даже мыслями.

Она видит, как в одной комнате, такой знакомой, что даже чувство ностальгии бережит старые раны, сидят несколько человек. Темноволосая девушка с короткой стрижкой прижимается к парню спиной и улыбается. Ее ментоловые сигареты лежат рядом, но она давно их не курит, только носит с собой, как напоминание о прошлых ошибках. Напротив них сидят светловолосая девушка, от которой все еще пахнет карамелью, и светловолосый парень. Они спорят о чем-то своем, пока парень не притягивает ее к себе и не касается губами виска. Девушка тут же выдыхает и успокаивается, пока остальные смеются над ними.

Кейтлин улыбается при виде Бонни и Рейчел. Они обе такие спокойные и счастливые, не омраченные ошибками прошлого. Рядом с ними Мэтью и Дин, готовые всегда прийти на помощь, поддерживающие и оберегающие. Кейтлин счастлива, что с ними все в порядке. Она следует на балкон и замечает там еще одну пару. У нее по губам скользит грустная улыбка, но потом она прислушивается к разговору и выдыхает.

В голубых глазах, так часто сравниваемых ею с небом, виднеется лишь капли грусти, а все остальное наполнено уверенностью. Он держит руку незнакомой девушки с темными волосами и раскосыми глазами в своей руке так трепетно, что это не похоже на него. Кейтлин видит в нем отголоски старого Барри, и ее переполняет радость и щенячий восторг от этого. Тот выдыхает ласковое «Кэтти, подожди немного», а девушка улыбается так ярко и счастливо, что Кейтлин уверена, у этих двоих есть будущее.

Она с легким сердцем следует дальше в свой родной город. Кейтлин видит Ванессу и Лидию, что общаются в каком-то кафе и смеется так ярко и задорно. Два ее некогда самых близких человека нашли поддержку и опору друг в друге, чему она бесконечно рада. Следующей ее остановкой является чужой дом, украшенный к Рождеству. Кейтлин с удивлением понимает, что завтра Сочельник. Она с тоской наблюдает за двумя важными людьми в своей жизни. Они украшают елку игрушками, бросаются серпантинном и похожи на детей. Кейтлин рада их такими видеть. Зеленые глаза полны жизни, а карие глаза источают веселье.

Она смотрит на них в последний раз, а после заглядывает в дом, в котором выросла. По комнатам бегает маленький малыш с большими голубыми глазами и светлыми волосами, а за ним бежит молодая девушка. Она ловит его и поднимает вверх, пока тот изображает из себя самолетик и радостно хохочет. Кейтлин чувствует умиротворение и спокойствие на душе. Она возвращается назад. На ее губах счастливая улыбка.

Кейтлин не знает только некоторые моменты.

Барри крепче сжимает чужую ладонь, когда запрокинув голову, наверх показывает звезды. Он выискивает созвездия и пытается не вспоминать, как делал это несколько лет назад в летнюю ночь, сжимая в объятьях другую девушку. Барри прижимается губами к запястьям Кэтти и молчаливо обещает ей, что сможет полюбить ее однажды.

Джейкоб на каждую третью ночь звонит по давно выученному наизусть номеру телефона. На том конце провода его встречает чужой автоответчик, и он по привычке начинает рассказывать о своей жизни. Иногда Джейкоб, беря телефон в руку, ждет чужих голосовых сообщений, наполненных сарказма и язвительности, а потом понимает, что это глупо. Но он продолжает кидать деньги на чужой номер, слушать голос на автоответчике и говорить, перескакивая с темы на тему.

Уильям выбирается по ночам из постели аккуратно, чтобы не разбудить светловолосую девушку, и идет в гостиную. Там он берет книги из своей библиотеки и, расположившись на диване, начинает читать их вслух. Он ждет чужих комментариев и замечаний, иногда вставляет свои, но ответом ему всегда служит тишина. После Уильям идет на кухню, где заваривает чай в двух чашках и достает лимоны к нему. Он аккуратно нарезает их полукольцами и половину посыпают сахаром. А после сидит за кухонным столом и гипнотизирует взглядом вторую чашку. Ему иногда кажется, что из гостиной послышатся чужие шаги и в комнату залетит вихрь с босыми ногами в растянутой толстовке и с взъерошенными волосами, который будет требовать свои лимоны. Уильям знает, что это глупо, но продолжает это делать.

Эллисон, уложив сына, решит спуститься на первый этаж, чтобы собрать обед мужу на работу. Но проходя мимо пустующей спальни, по привычке не стучась, зайдет в комнату. С ее губ почти сорвется «не обращай внимания», когда она поймет, что в комнате пусто. Девушка подойдет к полкам с книгами и смахнет с них пыль, проведя рукой. Она улыбнется, когда ее взгляд натолкнется на книгу с мифами, и повернется, чтобы попросить рассказать ей парочку историй. Но ответом ей будет служить тишина, ведь в этой комнате давно никто не живет. Эллисон посмотрит на фоторамку, где изображены две сестры, и грустно улыбнется. Она не может привыкнуть к этой пустоте.

Кейтлин не знает ничего об этом. И ее уже не волнует это. Ее глаза закрыты, когда она погружается в воду. На кафеле лежат зажигалка и пепел от сожженной фотографии. Никто и никогда не узнает, что на ней было изображено. Кейтлин чувствует спокойствие и умиротворение.

Она задерживает дыхание и улыбается.

Змиёв Николай*Красные пятна на белом стяге*

— Именем короля Генриха, приказываю вам сложить оружие и сдаться в плен! Кхм... Сэр! — крикнул знаменосец, сжимая в левой руке потрёпанное белое знамя, а в правой выставленный перед собой меч.

— Простите, сэр! Но я не намерен сдаваться вам без боя, а посему, именем его величества Фридриха, призываю ВАС опустить свой меч и стать моим пленником! В противном случае мне придется... Эм... Убить вас! Сэр! — ответил ему стоящий напротив знаменосец с красным флагом в руках.

Стоит заметить, что каждый из знаменосцев был закован в полный комплект лат и имел на голове закрытый шлем с плотно запёртым забралом, так что для того, чтобы хотя бы частично разобрать слова оппонента, и без того измотанному битвой воину приходилось на сколько хватало сил напрягать голосовые связки, а другому в этот момент внимательно слушать, предварительно задержав сбитое сражением и жарой дыхание.

— Ха! Вы угрожаете мне? Ваш король, Фридрих, пал на поле боя вместе со всей армией — вам некому сдавать пленных!

— Что за чушь?! — взвизгнул красный рыцарь. — За моей спиной, во главе с королём стоит моя армия, готовая следовать за мной, королевским знаменосцем, до самой столицы, трубя победоносный марш! А вот вашего короля позади вас я что-то не наблюдаю, сэр!

— Вы лжете! Мой король уже пирует на ваших костях после битвы! Солдаты лишь ждут, когда я подниму флаг, и мы двинемся дальше, на ваш хваленный замок!

— Но вы ошибаетесь, сэр! Ваш король пал, а армия разбита. Оглянитесь, и увидите сами!

— Лжец! Я обернусь, а ты вонзишь мне меч в спину! — отвечал белый — У ваших солдат нет ни капли чести, для вас нет ничего святого, мне это известно! Как хорошо, что наши солдаты перебили всех вас, и ты — последний, кто стоит у меня на пути! Так что приказываю тебе немедленно сложить оружие и сдаться мне, черт побери!

Красный знаменосец задумался и вскоре ответил:

— Послушайте меня, сэр! Либо мы оба лжецы, чего не может быть, так как я знаю, что не вру вам, если мои глаза, конечно, ещё могут видеть истину. Либо мы находимся в очень неловком положении. Оба.

— И, тем не менее, меня не покидает уверенность в том, что вы — жалкий подлец, который боится сдаваться в плен, и сейчас пытается мною манипулировать, чтобы в конце ударить меня в спину — не унимался белый.

— Что-ж, раз так, давайте развернёмся одновременно и узнаем, на чьей стороне истина.

Белый знаменосец подумал и, наконец, согласился. Рыцари сосчитали до трёх и развернулись в разные стороны. Не успел красный рыцарь развернуться до конца, как сзади в шею ему вонзилась холодная пика, выйдя насквозь багровым лезвием.

Поверженный знаменосец рухнул на колени, опершись на древко флага. Перед смертью он увидел впереди себя лишь чистое поле, усеянное погибшими в битве солдатами. Вскоре он упал лицом в сырую землю и истёк кровью. Белый рыцарь, готовый было ликовать, что сумел обхитрить противника, развернулся к своей армии, чтобы похвастаться победой.

Развернувшись, он, как и его соперник, увидел лишь поле недавнего сражения, покрытое бездыханными телами воинов, павших в жестоком бою. Над полем уже кружили стаи чёрных ворон, которые, спускаясь, расклёвывали мертвечину до костей, наслаждаясь кровавой трапезой.

Знаменосец еще долго смотрел на тела, что покрывали собой поле до самого горизонта, где из-под серых туч пробивались золотые лучи заходящего солнца. Никто не видел того, что он совершил. Лишь начавшийся вскоре дождь, смывая свежую кровь с копья, стал его молчаливым свидетелем.

И ветер, унося грозовые тучи далеко на север, ещё долго нашептывал эту историю деревьям и полевым цветам, развевая над головой рыцаря окропленное знамя.

Ошибка

[02.05.2074/8:57_a.m.]

— Если это действительно хакеры, то нам всем стоит беспокоиться, — сказал следователь, провожая взглядом уходящий в тоннель маглев. — Мы все здесь наполовину металлолом. А остальные возможные варианты уже исключили? Нервный срыв?

— Психических отклонений до сбоя не было, вёл себя спокойно, правда, перед смертью была сильная мозговая активность.

— Хм, вещества?

— Анализ чистый.

— Внезапный приступ аутоагрессии?

— Ммм... скорее спонтанной. Вот, поглядите, — криминалист в жёлтом комбинезоне передал следователю планшет с записью с камер видеонаблюдения.

— Впервые вижу подобное... Он был в ГАМе?

— Неизвестно.

— Может, какой-то вирус?

— Тоже не похоже, в крайнем случае, постороннего потока данных мы не нашли.

— Тогда что? Что это могло быть? Хоть какие-то зацепки? Головной IP модуль не мог просто так сгореть прямо у него в голове! Ошибка в системе?

— Может быть. Только вот что её вызвало — загадка.

[02.05.2074/6:02_a.m.]

Бесконечный поток информации, развлечений, фильмов, музыки, игр и виртуальных чатов наполнял сознание, или бессознание Чарли с помощью беспроводного VR шлема, заставляя мозг имитировать все пять органов чувств, создавая полное погружение в виртуальный мир. Шлем закрывал его голову почти целиком, оставляя лишь кончик носа, чтобы дышать, и рот — для употребления еды, напитков и, конечно же, сигарет. Курил он постоянно, а бычки тушил об подлокотник кресла и бросал прямо под ноги, чтобы не снимать каждый раз шлем для того, чтобы попасть в пепельницу. Так как он порой целыми сутками безвылазно просиживал в виртуальном пространстве, чтобы поддерживать жизнедеятельность в подлокотники кресла были встроены шприцы с питательными смесями и синтетическими витаминами. В определённое время они автоматически активировались и вводились в уже исколотые до состояния сплошного синяка на каждой руке предплечья.

Длинный виртуальный коридор был покрыт яркими панелями, на которых располагались различные препятствия в виде кубиков, конусов или гигантских, ударяющих перед самым носом, молотков. Всё вокруг мигало,

взрывалось, вспыхивало, по ушам долбила громкая электронная музыка, а Чарли без остановок всё летел по этой бесконечной полосе препятствий, потеряв счёт времени. Оглушительная музыка уже не казалась ему столь громкой, а уровни сложными. Он играл не ради удовольствия, а просто потому, что не мог остановиться, потому, что ложиться спать всё равно уже нет смысла, так как через полчаса ему на ГАМ (головной IP модуль) придёт уведомление о том, что пора вставать и идти на работу. Снова метро, поток людей, чьи пустые взгляды встретят его молчаливым безразличием, а затем он сядет в точно такое же кресло, в каком он сидит сейчас у себя дома, и к концу дня на городских улицах станет на один рекламный баннер больше, за что ему и отвалят сколько-то там денег на покупку какой-нибудь новой программы, игры или скина для собственного персонажа из виртуального чата — всего, что составляло его привычный досуг.

В голове зазвучала приятная музыка будильника, игра остановилась, и Чарли с досадой стянул с себя VR-шлем. Он долго потирал покрасневшие от напряжения глаза, затем встал и направился в сторону гардероба. По пути он обнаружил, что штатская одежда на нём осталась ещё со вчерашнего утра, так что нужды одеваться уже не было... И всё же, запах, который сперва, как ему показалось, доносился то ли из кухни, то ли из-под стола, где он нашёл кусок пиццы, похороненный там ещё неделю назад (и, как ни странно, не покрывшийся плесенью), исходил от него самого. Чарли взглянул на цифровые часы, которые всегда находились в правом верхнем уголке его глаза. Поняв, что ещё только 7:04, он с большой охотой стал стягивать с себя верхнюю одежду, затем бельё — всё это происходило по мере его приближения к ванной комнате, которая даже не имела двери из-за ненадобности. Чарли не смущало то, что он жил в этой квартире не один. Лариса полулежала на диване в той же комнате, которая, к слову, являлась одновременно и спальней, и гостиной (правда, гостей у них никогда не было), и рабочим кабинетом (как последнее она так же использовалось крайне редко).

Когда-то их отношения вполне можно было назвать гражданским браком, но теперь они скорее просто сожители. Она поселилась у Чарли с тех пор, как он съехал от родителей после получения высшего образования, а до этого закончила с ним один институт искусств, после которого стала тату-мастером. Как и все остальные, ни он, ни она никогда не говорили о чувствах к друг к другу — не принято, и не имели особой нужды в отношениях, не говоря уже о семье. Чарли не знал никого, кто женился или выходил за муж по любви. Он вообще не знал такого понятия, как «любовь». Это слово давно утратило своё первоначальное значение, превратилось во что-то абстрактное, неопределённое, а чаще и вовсе являлось синонимом слова «секс». Современные технологии виртуальной реальности способны были

удовлетворить любые потребности человека. Подмена ценностей и прошла на ура. Духовные ценности сохранились лишь в форме этикета, и их понятие превратилось в понятие норм поведения. Они больше не играли основной роли в организации человеческого сознания. С этим теперь прекрасно справлялось СМИ и Интернет. Зачем человеку заниматься поиском себя, если есть уже готовые, упакованные и разложенные по полкам интернет-магазинов человеческие взгляды и убеждения.

Чарли принял душ, привёл себя в порядок и закинул грязные шмотки в стиральную машинку. Перевязав торс полотенцем, он вышел из ванной комнаты и, перешагивая через разбросанные по коридору вещи, направился в кухню.

Из панорамного окна помещение заливал яркий утренний свет. В воздухе — на свету медленно парили частички пыли, подсвеченные жёлтым лучом пробивавшегося через городской смог солнца. Несмотря на дорогую технику, которой была обставлена кухня, помещение (как и квартира, и весь город) выглядело отчуждённо из-за бардака, неизменно царившего в нём. И, как ни странно, раковина была чистой. Наверное, из-за того, что ей давно никто не пользовался — Чарли предпочитал фастфуд или пиццу, которую доставляли ему в квартиру прямо через специальную форточку дроны-доставщики. Эта еда не требовала посуды, поэтому коробки из-под пиццы, пакеты и пластиковые стаканчики валялись прямо под ногами. Зато раковина была чистой.

Чарли провёл рукой по влажным волосам, глядя в раскрытый холодильник, некоторые продукты в котором лежали уже месяцами, и взял пакет молока. На запах оно было... ничего. Вообще ничем не пахло. Наверное, потому, что натурального молока в нём было, как говорится, бот наплакал. Сделав несколько глотков, он поставил молоко на место и тут же закурил сигарету. В углу кухни, возле окна валялся сломанный робот-уборщик. Его давно можно было сдать в ремонт, но Чарли не хотел. Скорее, он даже не думал об этом. Он уже свыкся с бардаком, царившим как в квартире, так и за её пределами.

Хаос, происходивший вокруг: на улице, в магазинах, в домах — отражался в душе каждого человека. Хаос был образом жизни. Чем больше вокруг происходило событий, чем больше спешило куда-то людей, каждый из которых думал о чём-то своём, тем меньше мы обращали внимания на окружающую нас действительность. Мы находились в постоянном страхе, боялись, что о нас плохо подумают, косо посмотрят, и, не дай бог, скажут что-то... А если кто-то это услышит, и обратит внимание, и тоже упрекнёт, и вот уже десятки, сотни глаз смотрят на тебя, и каждый думает что-то плохое, и ты больше не можешь этого вынести, тебе хочется спрятаться, скрыться за маской аватара в виртуальном чате, — а там ты можешь говорить что угодно,

кому угодно, и ничего тебе за это не будет. Ты в любой момент можешь сменить аватар, никнейм, или вовсе создать новый аккаунт, и вот: ты — другой человек! С чистой репутацией, никем не попрекаемый — да и не за что! А здесь, в реальности — здесь так нельзя. Тут у тебя только одно лицо, одна жизнь, один шанс. В этом и заключается их страх — все эти люди... — Чарли рассматривал заполняющих вместе с ним вагон метро людей: одни были в телефонах, другие в очках дополненной реальности, в наушниках или визорах — они боятся, боятся поднять глаза, боятся встретиться с кем-то взглядом, боятся, что их примут за чудака, а ГАМ — отличная защита. Вы просто выходите в интернет — и люди видят, что вы такой, как все...

Чарли не заметил того, как уже минуту в упор смотрел на девушку, стоящую напротив него в вагоне метро. Обычно он, как и все, закрывает глаза и уходит в ГАМ, или включает музыку, но сейчас он заметил, как просто стоял среди вагона в час-пик и, разглядывая людей, думал. Он настолько ушёл в свои мысли, что даже не помнил, как оказался здесь. На один миг ему даже стало неловко, что он позволяет себе так в открытую разглядывать окружающих, но, когда понял, что все они находятся в онлайнe, даже не стал включать музыку, хотя сперва подумал об этом, из-за чего ГАМ уже предложил ему выбрать композицию.

Он снова посмотрел на девушку. Она стояла всего в нескольких десятках сантиметров от него, по её глазам быстро пробегали голограммы, при этом красивое худое лицо оставалось почти неподвижным. Прямые светлые волосы её были затянуты в пучок на затылке, а под аккуратными коричневыми бровями грустно смотрели слегка подкрашенные тёмно-карие глаза. Чарли вдруг захотелось приблизиться к ней, прикоснуться, и он, неожиданно для себя, заметил, как тянется к её руке своей. Он понимал, что если сделает это, то может случиться неловкая ситуация — что, если она закричит? И тогда все увидят, что он хотел сделать... Когда он подумал это, вагон метро слегка качнулся, и его ладонь непроизвольно коснулась её руки. Девушка слегка вздрогнула, экраны на её глазах потухли, и их взгляды встретились. Никто вокруг не заметил их встречу, но они смотрели друг на друга, а её рука сомкнулась, приняв рукопожатие Чарли. Улыбка. Она улыбнулась ему, от чего Чарли вдруг бросило в дрожь.

«Чёрт, надо держать себя в руках», — подумал парень, и представился:

— Чар...кхм... Чарли — полушёпотом сказал он, стараясь не привлечь лишнего внимания.

— Алиса — её улыбка растянулась ещё сильнее, открыв белые зубы.

«Алиса...» — этот голос пробрал Чарли до дрожи, вспянул. Доселе неизвестное чувство вскружило ему голову — он почувствовал, как не может вздохнуть, как во рту моментально пересохло, и он потерял всякий над собой контроль. Их руки всё ещё держали рукопожатие, и, когда он попытался взять

над собой верх и что-то сказать, перед глазами вылезла красная предупреждающая надпись: «ОШИБКА». Он пытался отключить компьютер, но надпись настойчиво диктовала своё, повторяя снова и снова: «ОШИБКА», «ОШИБКА». Голова Чарли начала нагреваться, сильнее и сильнее, как вдруг уши заложило и он услышал пронзительный сигнал, из-за которого непроизвольно схватился за голову и закричал.

Дальше всё происходило, словно в тумане.

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция...»

— Простите... разрешите, прос... извините — Чарли, расталкивая людей, пробирался к дверям вагона. Люди смотрели на него, как на психа, возмущались, кричали что-то вслед, но Чарли уже не обращал на них внимания. «ОШИБКА», «ОШИБКА» — вслед за ушами у Чарли стали отключаться остальные органы чувств, в том числе зрение, а так же лёгкие и, наконец, сердце. В последний момент перед закрытием дверей он выскочил на платформу из вагона. Вспышка. Его глаза не выдержали напряжения и лопнули, словно резиновые мячики, наполненные арбузным сиропом. Головной компьютер заискрил, и из раскрывшейся черепной коробки повалил густой серый дым. Обессиленное тело рухнуло на гранитный пол в центре людного метрополитена и не сразу было опознано как мёртвое.

София Зернышко

Возвращение

Мороз щипал, играючи, словно неразумное дитя, которое еще не понимает, что может причинить боль. За уши, хвост, лапы и нос. Нос особенно. Его не возможно было спрятать или согреть, как бы ни хотелось. Нужно было идти, бежать вперед, втягивая обжигающе холодный воздух, чтобы из последних сил искать, приняхиваясь и нащупывая чутким обонянием знакомые, родные, так давно утерянные запахи, которые в холоде отдавались лишь короткими, призрачными отголосками, всплывая в голове мимолетными картинками из воспоминаний. Останавливаться было нельзя, как бы холодно и голодно мне не было. Нужно бежать, продолжать путь! А шел я уже слишком долго, это было непривычно, а потому казалось изнурительной пыткой. Как я до сих пор не получил обморожение..? Но я сам её выбрал, сам подписался... Особенно сейчас очень не хотелось вспоминать причину, по которой я, сбившись со счета в днях пути, мучил свое тело и бежал, проваливаясь лапами в рыхлый и скрипящий от мороза ослепительно белый снег. Иногда, устав настолько, что хотелось сдаться и упасть ничком в сугроб и заснуть, даже если после этого мне будет не суждено проснуться, я все же закрывал глаза, но продолжал бежать, на свой страх и риск, отдаваясь воле случая. Мое обоняние тогда, казалось, совсем иступилось, замерзнув. Но с закрытыми глазами я бежал ровно до того момента, пока не наткнулся на какое-нибудь дерево и, недовольно кряхтя, обходил его, упорно продолжая путь, все еще утыкаясь носом в снег и прислушиваясь к звукам вокруг. Тишина... Даже птиц не слышно, и из-за этого страшно... Кругом одни деревья, стенами возвышающиеся и соединяющиеся в один большой купол где-то очень высоко над головой, погружали лес в полумрак. Я даже не помнил, какое сейчас время суток. Только снег белой пеленой оставался светом, не давал сбиться, сойти с намеченного пути, когда обоняние совсем отказывалось работать.

Я чувствовал, что уже близко, что скоро эта долгая дорога закончится и я смогу, наконец, вздохнуть спокойно. Конечности отогреются, я наконец выплыву и тогда все мои усилия не будут напрасны. Я получу свою награду! Но главное дойти, пробежать, успеть, пока холод и голод не взяли свое, не согнули меня пополам, ломая и выкидывая в сторону, с позором проигравшего!

Привалы я устраивал крайне редко. Питаться приходилось в лучшем случае раз в день, а то и через сутки. Чем придется. Чаще всего это были оледеневшие и только усиливающие чувство голода опавшие с деревьев ягоды, которые еще не успел припорошить снег. Еще было великое

множество шишек и игл, потому как лиственных деревьев на пути почти не встречалось. Я уже готовился начать питаться трупами! Но в лесу не было даже мышей... Все надоело, стало слишком однообразным. Иногда, теряя надежду, тело пробивала дрожь. То ли от пробирающего до самой души холода, то ли от животного страха казалось, что я хожу кругом, что кто-то водит меня, рисуя петли, путает, пытается извести. В такие ужасные для меня моменты, деревья были похожи друг на друга как две капли воды, а на снег становилось тошно и невыносимо больно смотреть. Часто начинающийся снегопад, пробивающийся даже сквозь купол вершин деревьев, моментально заносил все мои следы, едва не погребая под собой и меня.

Я пытался убедить себя, с каждой мыслью об остановке, что большая часть пути уже пройдена, остается совсем чуть-чуть и цель будет достигнута! Но я не знал, сколько преодолел и сколько мне еще предстояло.

Все кругом говорило, что тут я один: ни кто мне не поможет, ни кто не найдет – сам виноват. Каждый раз при выдохе, коротком, ритмичном, чтобы не сбиваться и тратить как можно меньше сил, и такой особенно ценной сейчас энергии. Из носа и рта вырывались клубы пара, а вместе с ними и то малое тепло, которого оставалось все меньше и меньше. Его не хватало, чтобы сдерживать натиск мороза.

Не дышать совсем ведь тоже было нельзя. Белые, как и сам снег, клубы пара вскоре, застыв, оледенев сразу в воздухе, налипали либо на меня же самого, либо опадали на землю, уносимые редким ветром.

Сейчас я не видел ничего. Опять закрыл глаза – как же я устал... Не хватало сил даже на то, чтобы жалеть себя, а если не жалеть, то бранить. Голова была пуста от мыслей. Казалось, что даже они замерзли, и теперь работал только нос и ноги. Глаза болели, и на ресницы оседал иней. Я не без удивления почувствовал, как дорога плавно подымается чуть выше. Вроде и совершенно незаметное изменение, но ранее, весь мой путь был ровным, без единого бугорка или же наоборот низинки. Только около деревьев собирались снежные насыпи, в которые я ни раз, задремав, подобно ласточке в небе, на ходу, врезался, окунаясь с головой. Это, бесспорно, придавало сил, вливая в кровь адреналин, однако, теплее от этого не становилось. Но я ошибся, это был не просто маленький подъем, а непривычный для лесной местности холм. Радоваться или нет... Я, до сих пор, оставаясь незрячим, сделал пару больших рывков. По снегу подниматься было неудобно, скользкий и рыхлый он создавал трудное препятствие, потому, достигнув вершины в несколько прыжков, я чуть не подавился очередным вздохом. Мои глаза резко распахнулись и моментом в них проступили блестящие слезы, обжигая замерзшие веки и щеки. Выглянуло солнце и тут же заставило меня вновь зажмуриться, но не от усталости, а от удовольствия. Сейчас, такой родной и сильный запах, что мне приходилось с самого начала пути ловить

лишь маленькими отголосками и отрывками, я с истинным наслаждением мог вдыхать полной грудью! К ногам подступило приятно обжигающее и покалывающее тепло от неожиданно выглянувшего ясного и долгожданного солнышка. Я ринулся вперед, выбегая из леса и по протоптанной тропинке, устремляясь к деревянному домику, со всех ног, не помня себя от счастья. Утопая в радости, плача, так что слезинки замерзали и оставались в уголках глаз, вновь тая! Больше не было ни голода, ни холода, все это отступило, даже усталость пропала.

Счастье, что может и согреть и насытить, сейчас захлестывало с головой, заставляя устремиться вперед еще быстрее и наконец, в один прыжок, пересекая лестницы, взлететь на веранду и проехавшись по замерзшим доскам, ударить лапами в деревянную дверь, зовя, чтобы открыли, впустили, узнали!

Дверь отворилась не сразу, и на пороге появилась молодая девушка. Правда, сейчас её молодость была еле заметна: она постарела за несколько ночей, осунулась, а под глазами появились темные круги синяков, лицо было печальным, тоскливым... Сначала, растерявшись, она огляделась сонными глазами, не видя перед собой ничего кроме белого снега и древесных великанов. Готовая закрыть дверь, девушка неожиданно вздрогнула всем телом: в ногу ей уткнулся холодный нос и раздалось счастливое твяканье. Она отступила на пару шагов в дом и громко воскликнула, падая на колени, заливаясь смехом и горячими слезами счастья, прижимая к себе рыжего, грязного, худого, не prestaющего вертеться и пытаться дотянуться языком до лица своей любимой хозяйки когда-то давно без вести пропавшего зверька.

- Лисенок! Мальчик мой, вернулся!

Шляпа

Вечерний порт был несказанно прекрасен: обдуваемый морским ветром и омываемый водами мирового океана он захватывал глаз каждого любителя вечерних прогулок. Огни пароходов отражались в воде, из-за чего горящих светлячков на бортах становилось в два раза больше. Зеленые, синие, желтые и красные. Все они были прекрасны на фоне вечернего заката, который окутывал сонным маревом все живое, давая отдохнуть до начала следующего дня. Солнце тоже засыпало, уступая место своим младшим братьям, что были сделаны руками человека и сейчас украшали прекрасных морских птиц, которые никогда не взлетят, но всегда будут раскачиваться волнами и светиться разноцветными огнями.

Облака принимали фиолетовый с розовым оттенок. На горизонте еле можно уловить лучи светила, что на прощание вытягивало свои ручки, растопыривая тоненькие и изящные пальцы, но и они в скором времени будут

поглочены бездонной и бесконечной морской гладью. В порту находилось не много людей. Да, пароходы были, бесспорно, прекрасны и восхитительны для человеческого искушенного глаза, но на них не получалось смотреть слишком долго, бесконечно любясь и наслаждаясь их великолепием и красотой. Они уходили вдаль и точно так же, как когда-то солнце, пропадали где-то в маленьком промежутке между небом и водой.

Намного интереснее было наблюдать за своими собеседниками, друзьями и родными. Они уж точно не скроются за горизонтом. Не оставят. Но была и та, чье внимание полностью захватили пароходные огни, что отражались в водной глади, увеличиваясь в количестве, закатом, который напоминал о своем присутствии только маленьким светлым полуovalом на горизонте, разноцветными облаками, что обрамляли небо масляными красками, нарисованные умелым художником, любящим свое дело.

Кошке было некуда спешить. Она могла просидеть на заборчике, возле фонаря, поджав под себя замерзающие из-за прохладной сырости лапки до самого утра, при этом, не шевелясь и не засыпая. Она была очень загадочной особой. Пусть её темная шерсть и сливается с вечерним небом, на котором уже исчез тот светлый полуoval. Пусть она не мытая и не расчесанная, нежели остальные её сородичи, что были полностью окружены лаской и заботой.

Кошка, безымянная и бездомная смотрела вдаль. Туда, за горизонт, куда всегда уходили пароходы. Для неё пароходы значили намного больше, чем для остальных кошек. Загадочная особа не просто так, который год подряд, каждый свободный час, каждую свободную минуту сидит на заборчике, возле фонаря и ждет.

Когда-то, её, еще совсем молодую, привез один из таких пароходов, что набирает в себя людей, а после пропадает за горизонтом. Она приплыла не одна, её вез друг. Большой и в серой шляпе, которую он никогда не разрешал царапать. Кошка не знала, что ей двигало в тот момент, когда она, в порыве своей радости, восторга и ребяческой глупости бросалась вперед, снуя между ног остальных пассажиров. А после, вдоволь набегавшись, уже ближе к вечеру, в надежде искала своего друга.

Год. Год поисков. После чего, загадочная особа принимает решение ждать.

Гудок. Кошка привыкла к ним. Они всегда резко и неожиданно сотрясали вечернюю прохладу. Кошка лениво повернула голову в сторону парохода, который возвестил всех о своем прибытии. Загадочная особа, уже по привычке посмотрела в толпу людей, что бесконечным потоком выходили из гигантской, водоплавающей железной птицы. Её глаза расширились, практически скрывая за собой радужку не естественно голубых глаз. В толпе, мелькая среди разномастных и разноцветных голов, снова серая шляпа. Конечности сразу же налились свинцом, не решаясь сделать хотя бы одно

движение. Её звали! Именем, которое она уже успела позабыть за долгие годы. Но теперь все будет хорошо.

Лужи фонарей, что разливались на причудливый узор плиточной мозаики. Чью светлую гладь изредка тревожили людские тени, только они знали, на сколько сильно счастье Кошки, которая неслась быстрее мира, за ней не успевал следить никто, только Он. По яркости оно заглушало даже самый большой и сильный свет. Его было невозможно описать.

Вряд ли порт когда-либо еще увидит кошку, сидящую на заборчике возле фонаря, смотрящую вдаль и ожидающую свое счастья. Больше она никогда не сбежит от него. Всегда будет ходить за ним хвостиком и молчаливо, на своем кошачьем языке радоваться серой шляпе, что осталась у неё в памяти навсегда.

Ника Де-Киминаш (Симфолийская)

Ночь. За окном пустуют улицы, и кажется, что спят все, но все-таки одно место е спит.

Гордое здание из красного кирпича с посеребренной табличкой у входа «Частное детективное агентство «Ночные горлодеры»».

В уютном офисе, в котором хотелось остаться на всю ночь, сидели мужчина и женщина. Они сидят на небольшой уютной кухоньке и беседуют.

-А все-таки людская жизнь очень быстротечна,- сказал мужчина, посмотрев своими карими глазами на собеседницу.

Женщина перевела свой взгляд на мужчину и сказала:

-Знаешь, Акменро, бессмертие тоже не подарок.

-Это еще почему?

Женщина поправила распушенные, словно пепел, волосы.

-Сначала кажется, что быть бессмертным круто, но надаедает спустя несколько тысяч лет.

-Интересная теория- мужчина сделал глоток кофе.

Женщина ухмыльнулась.

-Мой брат 500 лет назад хотел забвения и его где-то захоронили.

-Вампириса, а ты скучаешь по нему?

-Конечно, он самый близкий вампир для меня.

Женщина встала со своего места и подошла к темному кухонному гарнитуру, что бы налить себе зеленый чай.

-Еще, Шереметьев, когда умирает твой близкий друг- смертный, это невыносимая боль, словно вырвали сердце.

-Зато способности есть.

-Да, но не все сущности используют их в благих целях.

-Ты права.

Повисло молчание, сквозь которое слышалось тиканье настенных часов.

-Когда же Цезарь с Клеопатрой вернуться? -прервал тишину, которая начала давить, Акменро.

-Ты же знаешь, что счастливые часов не наблюдают.

-Увы, такого счастья познать мне не удалось,- печально вздохнул Акменро.

-Не ври, ты познал счастье любви, но оно быстро прошло,-Вампириса села на кухонный гарнитур так, что смогла видеть спину своего сотрудника.

-Твое счастье тоже долго не продлилось, но я не понимаю, почему ты развелась с мужем, он же тебя до сих пор любит ?

Ника Де-Киминаш (Симфолийская)

Раздался звонок входной двери, она открылась и слышались шаги нескольких ног.

-шеф!-на кухню влетел высокий беловолосый мужчина,- вообще, у Михаила алиби, он был в офисе до глубокой ночи. Когда убили Андрея.

-Кто-то его видел?-спросила вампирша, переводя на него взгляд своих зеленых глаз.

-Да, в офисе камеры по всюду. Еще его трое коллег видели,- сказала черноволосая среднего роста женщина, вошедшая за ним.

-Ага. Акменро, свари им кофе,- сказала Швацильберг,- а мы, пока с вами построим хронологию событий.

Вампириса встала со своего места и пошла в просторную приемную. Поставив кружку на стол из темного дерева, подошла к белой доске.

-Итак, как вы думаете с чего все началось?- спросила Швацильберг.

-Все началось с того момента, когда было совершенно покушение,- сказал Цезарь, сев на диван из черной кожи.

- А я думаю, что все началось с того момента, когда начали искать кандидата на должность заместителя директора фирмы,- сказала Клеопатра, сев на стул в цвет стола.

-Именно.

Вампириса написала на доске «поиск кандидата».

-Нужны точные списки кандидатов,-«прочитал» мысль Швацильберг Цезарь.

-Да, но только завтра, на сегодня все свободны.

Твой Портланд

Кайенский перец

Твои веки, поддавшись усталости, смыкаются. Сон проглатывает тебя чёрной бесконечностью.

Ты чувствуешь дыхание ветра на своей коже. Жарко. Припекает ступни ног, которые ты не спрятал под нависшей зеленоватой тенью зонта... Душно. Хлорка. Брызги. Чей-то визг. Бассейн. Ты резко открываешь глаза и потяжелевшей от полуденного сна рукой поправляешь неуклюже съехавшие тебе на нос солнцезащитные очки, через которые весь мир становится загорелым, нереально золотым, а небо кажется глубже. Видны завитки на каждом облаке, как отекающие на меди. Я стою у края бассейна, улыбаясь тебе, и делаю кувырок через плечо назад прямо в воду. Брызги разлетаются во все стороны и сверкают, их слепяще много. Как порванные бусы.

Мы один раз были в церквушке. Сели на длинную и неброскую, будто бы целомудренную скамью позади всех. Нас сюда занесло только потому, что нам срочно хотелось укрыться на пару минут от палящего солнца. Ты знаешь, оно безжалостно во время сиесты. Но в церкви белые толстые и высокие холодные стены, шершавый запах убаюкивающей старины и высокий одинокий свод. Перед нами сияет высокий витраж.

Когда мы заходим внутрь, то болтаем оживленно, хоть и негромко, но через некоторое время я ловлю нас на том, что мы сидим в задумчивости и, кажется, оба рассматриваем витраж.

Пока ты смотришь на витраж, мой взгляд и весь я - мой слух, мой пульс, моё чутьё - обращены к тебе. Пока на витраж смотрю я, ты переводишь взгляд на меня.

О чём ты думаешь?

Мы здесь проходимцы. Мы ни во что не верим.

По твоему колену лениво поползла крохотная мушка, и я хлопнул по ней ладонью. И все на нас посмотрели так, будто мы сидели голые, и шлепок пришелся не по колену, а по заднице.

Вечером шуршат и горят в наползающей синей темноте разноцветные треугольные флажки - они буквально повсюду, ветер треплет их. Твои глаза горят тоже. И тогда я ощущаю, как подошвы моих сандалий плавают, соприкасаясь с черным асфальтом.

Мы соприкасаемся, не дотрагиваясь друг до друга ртами и языками, а просто разговаривая.

Но нам...

Твой Портланд «Кайенский перец»

Мы хотим. Между нами трещит медленно остывающий к ночи воздух.

Здесь есть клуб, и там танцуют, играет музыка, но всё это вдалеке от нас. Нам достают из холодильника содовую. Из уличных забегаловок, которых больше, чем жителей в муравейнике, охренительно пахнет. Головокружительно. Мы берем по горячей закуске, которая доходит буквально в руках, и брызжет соусом в рот, специями ударяет в нос. Ты удовлетворенно мычишь, а я краснею от остроты.

Поцелуй происходит позже, почти ночью, и там, где никого нет. Он мокрый и острый. Ты придерживаешь мой подбородок, а я куда-то тороплюсь и размашисто толкаюсь в твой рот. Не задохнись, приглушенно усмехаешься ты.

На вкус как кайенский перец и песок, говоришь ты.

Песок сыпется мне в горло и лёгкие.

Я шумно глотаю успевшую потеплеть содовую в темноте и протягиваю её тебе, а ты тянешь меня к себе, и мы валимся на кровать. Я перехватываю твои руки и прижимаю их к постели. Она поскрипывает. Твой удивленный смешок на ухо. Простынь под нами чуть влажная. Это всё кондиционер, он забарахлил буквально минуту назад, или просто нам нравится делать это жарко.

Я держу (сь) тебя крепко.

И таю на твоих глазах, я рассыпаюсь по тебе пеплом. На твоих зубах скрипит песок.

По окну хлещет мокрый ветер.

Ты открываешь опухшие, зудящие глаза и липнешь спиной к своей постели, вокруг которой темнота такая густая, что в ней вязнут конечности.

В реальности нет разноцветных флажков, а очки не делают мир нереально загорелым и золотым.

В реальности...

Дождь шёл третьи сутки и не думал прекращаться.

Контактная информация авторов

<i>Шушкова Анастасия "Георгий Петрович"</i>	an.shushckowa2016@yandex.ru
<i>Алёхина Варвара</i>	varya.alehina@mail.ru
<i>Шевчук Полина "Твой Портланд"</i>	p.shevchuk2015@yandex.ru
<i>Просвиркина Александра "Alinora rey Vallion"</i>	monplzir1997@gmail.com
<i>Игнатова Екатерина "Фате Катрина"</i>	katerina_krayve@mail.ru
<i>Копейкина Дарья "Стрелиция"</i>	dashakopa@yandex.ru
<i>Лукичева Валентина "Счастливая Тина"</i>	lykicheva_6.05@mail.ru
<i>Змиёв Николай</i>	nikolajzmiev@gmail.com
<i>Тинько Дарья "Ника Де-Киминаш (Симфолийская)"</i>	kiminash@bk.ru
<i>Филоненко София "София Зернышко"</i>	sofiya_felony@mail.ru
<i>Дмитриев Валентин "Валентин Дмитриев 2"</i>	zaur-mostovoi@yandex.ru

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 6

Все права на произведения принадлежат исключительно их авторам.

Составитель-редактор:

Независимое Издательство «Первая Книга»

Перваякнига.рф